

Нина Визгина

**Переливы
в лунном
свете**

Повести и рассказы

Нина Визгина
Переливы в лунном свете.
Повести и рассказы

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23687569
ISBN 9785448501609*

Аннотация

Разве не желаем мы постоянно, чтобы нас понимали, чтобы принимали таковыми, как мы есть. Когда приходит любовь – раздвигаются рамки жизненного пространства, и мир перестает казаться таким холодным, таким безжалостным, таким переполненным людским одиночеством.

Содержание

Повести	5
Эта горькая сладкая нежность	5
На разных берегах	34
И раз, и два, и три	74
Когда болит сердце	92
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Переливы в лунном свете

Повести и рассказы

Нина Визгина

© Нина Визгина, 2017

ISBN 978-5-4485-0160-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Повести

Эта горькая сладкая нежность

День близился к концу. Мягкая осень позолотила листву деревьев. Постепенно двор наполнялся гвалтом детворы, выпущенной на волю после усердного выполнения уроков. Из распахнутых окон доносился людской шум – это домохозяйки под включенные телевизоры спешили после работы управиться поскорее с домашними делами, и за ужином пообщаться, наконец, с близкими, выговориться – просто отдохнуть среди родных стен.

Она видела, как он вернулся. Она знала, что скоро он выведет на прогулку лохматого пса и тогда... Да, вот тогда она наконец подойдет к нему. Столько лет, столько долгих лет без него. Нерастроченная нежность захлестнула ее, нежность и любовь. За долгие двадцать девять лет она ни на один год не выпускала его из виду, она знала о нем все. Он не знал о ней ничего.

Он не захотел узнать ее тогда, когда она приехала к нему в первый и, как оказалось, в последний раз. Приехала, чтобы понять, почему он исчез так внезапно, почему не откликнулся на ее письма, полагая, что случайные обстоятельства разлучили их и все вернется, надо только встретиться. Как

она была наивна, как ошибалась. Влюбленная, переполненная романтическими чувствами и надеждами, не заметила его равнодушной нелюбви. А должна была, ведь она – женщина, а значит, всеми фибрами души, всей кожей, каждой клеточкой должна была это понять. Нет, ничего не понимала. Вот и получила сполна.

Анна Ковалева возвращалась из очередного отпуска. Поезд дальнего следования мерно раскачивал вагон, колеса убаюкивающе стучали по рельсам, будто поддакивая ее мыслям – «на Восток, я еду на Восток». За окном мелькали высокие ели, поутру за их раскидистые нижние ветви цеплялся плотными ключьями туман, казалось, будто это таежные великаны поймали облака, легкомысленно спустившиеся на ночную землю. Туман низко стелился по траве, пока утреннее солнце не расправилось с ним, безжалостно превратив в легкую дымку, обещающую отличный летний день. Жаль только, что в такую замечательную пору приходилось томиться в душном вагоне поезда.

Ехать предстояло довольно долго – более пяти суток. Сначала купе было заполнено, но через два дня они оказались одни – она и молоденький лейтенант, возвращавшийся в свою часть после недельной побывки на родине. Попутчик был угрюм, все время, безмолвствуя, глядел в окно, и по всему было видно, что был чем-то очень расстроен.

Пока ехали в заполненном купе, Аня старалась не обра-

щать на него внимания, хотя парень отчего-то сразу запал ей в душу. То ли отрешенный взгляд огромных глаз в девчоночьих ресницах, то ли редкой породы именно мужской красоты лицо заставляло учащенно биться ее сердечко всякий раз, когда подсаживался он на ее полку, чтобы выпить чай, постоянно приносимый ему щедрой проводницей, видимо также очарованной стройным офицером. Но ночью лейтенант никуда не исчезал, и Аня по-женски злорадствовала, что проводнице ничего не отломилось от красавца.

А когда проезжали сибирскую станцию со смешным названием «Ерофей Павлович» воспоминания прошлого захватили и перенесли ее на семь лет назад. Тогда глупой восемнадцатилетней девчонкой с головой, набитой романтическими бреднями, попала она на глухую таежную станцию по распределению после окончания техникума связи.

Родители Ани, сполна приняв участие в разработке залежных земель, так и остались на просторах освоенной целины, поскольку здесь у них были и дом, и работа. Может, и тосковали они по земле своих предков, богатой широкими реками и густыми лесами, но детям о своей тоске никогда не говорили – все равно деваться было некуда. Где имелось жилье – там и жилось.

Но перспектива прожить всю жизнь в своем целинном поселке с воскресными танцуйками в местном клубе Анечку – отличницу и красавицу, совсем не устраивала. Вот и отправилась она в крупный город, где жила ее родная тетка, по-

ступать в техникум – какой все равно, лишь бы вырваться из скучного поселка. В то время тетка служила на центральном телеграфе, и часто курировала практику студентов местного техникума связи. Такое стечение обстоятельств и решило все за девушку.

Но судьба оказалась отнюдь не злодейкой – выбранная специальность по дальней связи Анечке очень понравилась. Закончила она заведение весьма успешно, и остаться в областном центре могла спокойно, но захотелось девочке романтики, приключений. Когда еще мир посмотришь, как не в обремененной ничем юности. Тем более что знакомых ребят позабирали всех в армию. Хотя, если признаться, никто особенно ее не интересовал, и никому из них горячих писем она писать не собиралась.

Вот так и очутилась Аня Ковалева старшим техником междугороднего пункта связи на глухой сибирской станции. Поначалу чувствовала себя Анечка неудобно в роли начальницы над престарелым механиком Егорычем и тетей Таней, выполнявшей обязанности телефонистки, завхоза и уборщицы одновременно. Жила Анечка рядом с пунктом в доме той же тети Тани. Питались они с ее домашнего хозяйства и теми продуктами, которые Егорыч привозил на стареньком раздолбанном «газике» из ближайшего магазина, находившегося от них в нескольких часах езды.

Поезда на малоприметной станции останавливались редко, да и те стояли всего несколько минут. Аня долго не мог-

ла понять – зачем вообще нужна была их станция. Первый год пролетел очень быстро – сказалась необычность обстоятельств и необходимость к этим обстоятельствам как-то приспособливаться. Казалось еще немного и девушка взвояет от рутины ничего не происходящего вокруг, но неожиданно жизнь выкинула такой финт, такой зигзаг завернула, что было уже не до размышлений о тоскливом существовании.

Надвигался новый 1969 год. Последний месяц уходящего года выдался особенно снежным. Ночные метели сменяли снежные дневные бураны. Казалось, уже весь мир погребен под снегом и застыл от неумолимого космического холода. Неуютность жизни на станции добавляли постоянные помехи междугородней связи. Плохая слышимость разговоров портила настроение еще больше, чем усиливающиеся морозы, особенно когда по служебному каналу выговаривали Анечке нелюбезные слова армейские чины, линии связи которых также проходили через ее узел. Ей постоянно приходилось контролировать состояние их каналов.

Сначала девушка не очень обращала внимание на переговоры военных, пока до нее не дошло, что те все чаще говорили о каких-то провокациях со стороны китайской границы. А когда Анечка услышала о боевых действиях, то и во все пришла в смятение. Она хорошо помнила, как еще с третьего класса переписывались они через свой школьный клуб «Мира и дружбы» с китайскими школьниками.

До сих пор у родителей в семейном альбоме хранились

красочные открытки и необычные ленточки, присланные ей тогда китайским школьником, ее одноклассником. Дети и фотокарточками в то время обменялись. Как поразились они тогда, что на фото у худенького симпатичного Чжо Шуа глаза оказались вполне круглыми. Мальчуган совершенно не походил на широколицых узкоглазых китайцев с пестрых лозунгов, заверявших в вечной дружбе великих народов, которыми увешен был красный уголок местного клуба.

И уж совсем не ожидала Аня, что будет, помимо своей воли, допущена вплотную к информации о происходящих событиях на китайской границе в конце 1968 года. Неожиданно явился на станцию военный посыльный, показал ей приказ, что до специального распоряжения обязана она безвылазно находиться на своем пункте связи.

Сначала девушка попыталась сопротивляться – мол, есть тут более опытные люди, но так получилось, что только она оказалась здесь дипломированным специалистом. Ни Егорыч, ни тетя Таня не могли оставаться на связи при объявленных чрезвычайных обстоятельствах. Закончилось все тем, что старшего техника Ковалеву не просто закрыли в избе с аппаратурой, а еще и двери опечатали. Еду молодой начальнице должны были подавать через окошко, впрочем, как и выносить помойное ведро.

Сначала девушке представлялось, будто она участвовала в военизированной игре, похожей на школьную зарницу, что проводилась у них в старших классах. Но вскоре события

на границе приняли такой оборот, что Аня места не могла себе найти от страха. Спасибо, что днем то тетя Таня, то Егорыч постоянно находились возле дома, успокаивая ее, что у них на станции тихо и спокойно, чего вовсе нельзя было сказать о том, что творилось у военных. Особенно беспокойно стало по ночам. Аня спала плохо, ей постоянно снился сон, что узкоглазый китаец в огромном тулупе с автоматом в руках пытался пролезть в окошко избы.

Когда военный инцидент на границе затих, закончилось и вынужденное заточение Анечки. Более того, в награду за неукоснительное выполнение своих служебных обязанностей, девушке вручили Почетную грамоту и разрешили уехать домой, несмотря на то, что еще не истек ее срок отработки как молодого специалиста. Вскоре Ковалевой прислали обещанную замену, и она вернулась домой.

Но жизнь в родном поселке показалась Ане невыносимо пресной и скучной. Больше всего ее поразила расхлябанность и состояние постоянного подпития местных парней. Масла в огонь вскоре добавила и тетушка, благодаря которой Аня получила свою профессию. Тетка решительно советовала племяннице уезжать из родного дома, пока не затянуло ее житейское болото.

Так Анна Ковалева и сделала и никогда об этом после не пожалела. Успешно окончив заочный институт, девушка вот уже несколько лет работала по договору в крупной воинской части. Еще раньше на одной из летних сессий познако-

милась она с парнем, который в то время здесь служил. Вроде чувства какие-то начинались. Он пригласил – она приехала. Понравилась и работа, и симпатичный аккуратный городок. Как востребованному специалисту дали ей комнату в общежитии.

Но любовь быстро закончилась, а может, и не было ее вообще, а возможно, просто настораживала неумная тяга парня к бутылке. Во всяком случае, с приятелем обратно она не поехала, когда кончился у того срок службы. Так и осталась жить и работать здесь – почти на Дальнем Востоке. После защиты институтского диплома получила Аня повышение по службе и новую однокомнатную квартиру. Все бы хорошо, но не складывалась только личная жизнь. Иногда появлялись в ее доме молодые люди, но никто не задел глубоко, так чтобы хотелось прижаться к мужской груди, обхватить крепко и не отпускать никуда, никогда.

А тут вдруг сердце защемило от непонятно откуда возникшей нежности к тихому попутчику с грустными глазами. Похоже, обидели его крепко, напрасно, иначе не затаилась бы в них такая глубокая печаль. Весь день молодой человек провалялся на верхней полке, и не понятно было – спал он или просто отмалчивался, уткнувшись в стенку. Девушке очень хотелось растормошить парня, утешить, отвлечь, но она никак не могла придумать повод для начала разговора – ну не гладить же его по головке как маленького, на самом деле.

Наступил вечер. Тишина купе убаюкивала, и Аня не заме-

тила, как заснула. Разбудил ее громкий стук открывающейся двери купе. Она испуганно открыла глаза и попыталась соскочить с полки, старясь увернуться – на нее падало что-то большое и тяжелое. В купе было довольно темно, и девушка не сразу поняла, в чем дело, пока не раздался недовольный смешок проводницы, чтобы та помогла ей прикантовать кавалера на место

Как поняла Аня, пока она дремала, попутчик смотался в ресторан и там отвел душу по полной программе. Повезло, что вагон-ресторан находился рядом, и добру молодцу хватило сил добраться до своего вагона, где и подхватила его сердобольная проводница. Странно только, что женщина привела пассажира на место, а не в свое купе, подумалось тогда Анне. С начала пути было видно, до чего понравился офицер разбитной проводнице, как обхаживала его шустрая молодайка. Но ответ оказался банально прост. Когда позже в тот вечер Аня ходила за кипятком, то заметила, что в служебном купе чаевничал сам начальник поезда.

Так лейтенант остался в ту ночь на ее постели. Огромная луна освещала мелькавшие за окном вагона лесные поляны, и озаренные ее бледным светом пейзажи придавали ночи нереальность происходящего. Аня не спала. Расположившись напротив, она любовалась лунной ночью, временами поглядывая на спящего соседа. Спал он очень беспокойно, иногда вскидывая руки, будто спорил с кем-то в пьяном сне, стараясь что-то доказать со скрипом на зубах, до испарины

на лбу. Сладкое чувство нерастроченной женской нежности захватило Аню. Она не могла больше спокойно наблюдать, как мучился во сне человек, прекрасно понимая, что плохо ему вовсе не от выпитого не в меру спиртного, а оттого, что всю дорогу терзало его сердце.

Девушка присела на край полки, убрала со лба парня взмокшие пряди волос и начала тихо гладить по лицу. Она склонялась все ниже и ниже, шепча нежные слова утешения. Внезапно молодой человек раскинул руки и улыбнулся, так и не раскрыв глаза. Девушка поняла, что он продолжал спать, и уже хотела подняться, но непреодолимая сила возникнувшего желания поцеловать его, снова толкнула ее вниз. И как только она коснулась нежным поцелуем его губ, мужчина крепко обнял ее и привлек к себе. Никогда ранее она не любила так сильно, так нежно, как в эту лунную ночь под равномерный стук колес поезда, идущего на Восток.

Они проснулись одновременно. Попутчик продолжал крепко удерживать девушку на своей груди. По его изумленному взгляду Аня сразу догадалась, что тот ничего не помнил, хотя по той степени раздетости, в которой они пребывали, нетрудно было сообразить, что произошло между ними ночью. Оба в полном молчании привели себя в порядок, пряча глаза, как провинившиеся школьники.

Женщина не выдержала первой, когда попутчик стал извиняться, считая, что произошло недоразумение. Она сразу почувствовала, что лейтенант решил от всего откреститься,

посчитав виновной в случившемся только девушку. Впрочем, так оно и было. Инициатива действительно исходила от нее. Еще ночью, когда все произошло, когда Аня испытала неведанное ранее чувство любовного полета, она поняла, что именно здесь и встретила того единственного, ради которого стоило жить

Более того, глядя на чужое, но неожиданно такое любимое лицо, Анна страстно решила – как бы ни сложилось у них в дальнейшем, она отчаянно хотела от него ребенка. Ей скоро двадцать семь лет и там, куда она возвращалась, у нее не было ни малейшей надежды обрести семейное счастье. Сейчас как никогда Анна ясно это понимала. У нее остались только сутки, еще целые сутки, чтобы попытаться завоевать человека, так отчужденно сидящего сейчас напротив.

Конечно, ничего о своих далеко идущих планах Аня своему попутчику не сказала. Но сама, не ожидая от себя такого, в открытую нагло призналась, что молодой офицер ей очень понравился, и что она ни о чем не жалеет. Постепенно напряжение отпустило, они успокоились и, наконец, познакомились.

Звали его Алексеем. Внезапно, молодой человек разоткровенничался и рассказал, как не пришла попрощаться на перрон любимая девушка, по которой он тосковал долгий первый год службы в армии. Он так надеялся на их встречу, так ждал ее, признавался в любви, желая добиться ответного чувства, заверений, что и она его будет ждать. А подру-

га только смеялась, близко не подпускала, а под конец даже не пришла проводить.

На вокзале собрались их общие друзья, в том числе и ее близкая подруга, которая и проговорила, что у его девушки ухажеров хватало и без него. Свои переживания Алексей изливал незнакомке откровенно, как водится в пути, когда знаешь, что скоро конечная станция, и разбегутся попутчики в разные стороны, и не встретятся больше никогда. Не зная, чем все-таки закончится их встреча, Аня тоже довольно подробно рассказала о себе.

Какого же было удивление ее спутника, когда оказалось, что возвращалась молодая женщина на работу в ту же часть, что и он. Алексей служил там после окончания медицинского института в местном госпитале. По специальности был он хирургом и с нетерпением ждал окончания службы. Умелым эскулапом он зарекомендовал себя еще во времена студенческих практик, и ему обещали место в главной клинике родного города. Та девушка, о которой он рассказывал, была его сокурсницей, и сейчас работала в этой же больнице.

Аня отметила про себя, что Алексея не очень обрадовало то, что они едут в один пункт назначения. У нее же напротив все внутри пело от того, что она сможет и в дальнейшем продлить с ним знакомство. Ей как связисту, не составит большого труда разыскать молодого хирурга в местном госпитале. Оставалось еще, правда, выяснить фамилию попутчика, которую тот явно не хотел ей раскрывать.

Днем они вместе пообедали в ресторане, на этот раз обошлось без выпивки. Аня отметила, как, выговорившись, Алексей успокоился. Она же, в свою очередь, изо всех сил старалась его развлечь, рассказывая байки из жизни связистов. Наступил последний вечер в дороге. Парень в купе не спешил. Он весело переговаривался с проводницей, которая готовила вечерний чай для пассажиров, и по ее грудному смеху чувствовалось, как приятно ей общество молодого лейтенанта. Не выдержав их рандеву, Аня направилась к титану, и, оттеснив Алексея, попросила для них двоих принести чай в купе, после чего решительно подхватив своего попутчика под руку, увела за собой.

Чай им вскоре проводница принесла, а, прикрывая дверь, хитро подмигнула Ане, оттопырив вверх большой палец руки. Сначала фривольное обращение с его персоной задело молодого человека. Но потом соперничество двух симпатичных девчат неожиданно привело его в веселое расположение духа.

Жизнь прекрасна, и надо брать то, что она ему предлагала в настоящий момент. А потому, когда спустились сумерки, он не стал зажигать свет в купе, а с удовольствием ответил на любовные игры своей новой знакомой. Невдомек ему были ни глубина ее чувства, ни ее решительные на него виды, ни далеко идущие ее жизненные планы. Сейчас, стараясь забыть нанесенную любимой обиду, он отдавался минутному удовольствию, нежной женской ласке, которую дарила ему

случайная встреча.

Приближались новогодние праздники. Анна долго не решалась позвонить Алексею, хотя давно знала его местные координаты. Но всякий раз, когда собиралась она набрать заветный номер, перед глазами вставала картина их расставания после краткого дорожного знакомства. Он с ней даже не попрощался, а просто кивнул и, подхватив свои вещи, легко спрыгнул на перрон.

Надеясь на продолжение отношений, она попыталась его остановить, предложить подвести, так как знала, что ее обязательно будут встречать. Еще не верила, что совсем не задела его сердце своей нежностью, на которую он так бурно отвечал прошлой ночью. Но достаточно было увидеть, каким холодным стало лицо мужчины, когда обернулся он на ее окрик, чтобы понять, что отношения эти закончились ранним утром в купе вагона дальнего следования, так и не начавшись.

Она едва сдержала себя, чтобы не кинуться ему вдогонку. Ей все же хватило выдержки, чтобы махнуть ему рукой и приятно улыбнуться на прощание – мол, все хорошо, прощай милый попутчик. От притворной улыбки и кокетливого махания, Аня чувствовала себя последней дурой, прекрасно понимая, что выглядела в его глазах легкомысленной девицей.

Ночи любви под стук колес прошли для Ани без послед-

ствий, о чем она очень жалела. Девушка без труда узнала полное имя и адрес молодого хирурга местного госпиталя. Она даже заимела там своего тайного личного агента. В госпитале работал муж одной из местных телефонисток, с которой Аня часто оказывалась в одной смене. Сначала она просто старалась поддерживать знакомство с Натальей, но постепенно девушки сдружились, пока не подозревая, что сохранят теплые отношения на долгие годы. От подружки Аня и узнала о готовящемся празднике в местном театре для медицинских работников и приложила все усилия, чтобы попасть туда, надеясь на встречу с Алексеем. В тот раз она ему так и не позвонила, боясь спугнуть своим неожиданным звонком.

Новогодний бал находился в разгаре, народ веселился – как умел, кто пел, кто пил, молодежь танцевала. Одна Аня Ковалева чувствовала себя лишней на зимнем празднике жизни – Алексея Дорохова она здесь не нашла. Ната познакомила ее со своим мужем Денисом, и Аня решила его расспросить о коллеге, представившись давней знакомой Алексея.

– Вот не знал, что у парня здесь есть такие хорошенькие давние знакомые, – с неожиданным сарказмомотреагировал на нее Денис, – только вот по всему видать, еще одна давняя знакомая все ему не пишет, и тоскует Лешка сейчас где-нибудь возле буфета.

– Так он все-таки здесь? Пришел?

– А чего не придти-то? Не пить же у себя дома в одиночку. Мы договорились после этого мероприятия пойти вместе к нам, для продолжения банкета так сказать. Присоединяйся, дорогая, облегчи душу давнему знакомому, – пьяно хохотнул мужчина.

Не желая больше выслушивать двусмысленные фразы захмелевшего мужа подруги, Анна отправилась на поиски того, ради которого сюда и пришла.

Алексей сидел в самом дальнем углу буфета в окружении молоденьких девушек, которые весело щебетали вокруг него, явно польщенные вниманием симпатичного кавалера. Аня ожидала встретить тоскующего парня, но увиденная картина выбила ее из равновесия.

Девушка направилась к веселому столику, и неожиданно для себя самой решительно растолкав щебетуний, подхватила Алексея под руку и повела в зал, проговорив что-то про обещанный танец. Мужчина не сопротивлялся, игриво прижимая девушку к себе и пьяно посмеиваясь, он умело повел ее в медленном танце, нашептывая ласковые слова.

Горячая волна нежности охватила Анну. Ну почему, почему она не позвонила ему раньше, вот он рядом и помнит ее. Она крепче прильнула к сильному плечу, испытывая радость узнавания любимого человека, когда его тихий как дыхание горячий шепот окатил ее словно ледяной волной. Вокруг резвились люди под сменившимся ритм танца, а партнер, крепко обнимая и осыпая ее шею поцелуями, все про-

должал шептать чужое женское имя.

Первое утро нового года они встретили вместе в ее квартире. Смешно было наблюдать, как долго Дорохов приходил в себя, недоуменно оглядывая стены чужого дома. Она очень боялась, что он ее не узнает, или сделает вид, что не узнал. Но опасения оказались напрасными. Неожиданно Алексей повел себя как старый приятель. Они тихо позавтракали и договорились вечером о встрече.

Женское счастье Ани Ковалевой длилось почти три месяца. Они встречались регулярно, но как бы ни близки были по ночам, Алексей ее жизнью не интересовался, да и личными планами с ней не делился. Она постоянно чувствовала полное безразличие и внутреннюю отстраненность любимого человека. Будто отгородил он свое сердце от нее глухой ширмой. Аня старалась не задавать лишних вопросов, пытаясь сделать пребывание его в своем доме приятным и необходимым.

Иногда ей казалось, что вот оно ее счастье пришло, наконец, к ней. Еще немного и сильный мужчина, который согревал иногда ее постель, поймет и примет ее любовь и растает та неприкаянная грусть, которая постоянно таилась в его глазах. Но Аня ошибалась.

Нет, не хватило ее любви, чтобы оттеснить ту далекую, ту незнакомую, которая раньше ее заняла в сердце Алексея место любимой женщины. Дорохов вдруг перестал не только приходить к ней, но и подходить к телефону. То ей отвеча-

ли, что он в командировке, то на ответственной операции. А когда она смогла, в конце концов, поймать его по служебному телефону, услышала от приятеля резкие слова, чтобы не использовала она служебное положение и больше ему сюда не звонила.

Она и ответить то ничего не успела от растерянности, как в трубке раздались короткие гудки. Ошеломленная Анна не могла поверить, что так грубо с ней только что говорил человек, которого она считала для себя самым близким, самым дорогим, человек, которого она любила.

А вскоре Анна Ковалева поняла, что беременна. До сих пор Алексей не давал о себе знать, но будущая мать посчитала необходимой личную встречу, чтобы видеть его глаза, когда расскажет о ребенке. Сначала она решила через друзей узнать, где в настоящее время обитал Алексей. До чего же была Анна удивлена, когда узнала, что Дорохов вот уже больше месяца, как демобилизовался. На вопрос, как же так, ведь время еще не вышло, Денис ответил, что напротив, молодой хирург прослужил больше положенного срока по собственному желанию, но, получив, наконец, долгожданное письмо от любимой девушки, отбыл в родные края.

– Он уехал, он уехал, даже не простившись. Он уехал от меня навсегда, – крутилось в голове Анны. – Я опять осталась одна. Нет, не одна, у меня будет сын, у меня обязательно будет от него сын.

Ей понадобилось три года, чтобы оправиться от тяжелых родов, детских болезней сынишки, чтобы заглушить обиду мужского предательства. Но иногда нет, нет, да и задумывалась Анна о том, что скажет она сыну, когда тот осознает, что бывают у детей папы. Адрес Алексея ей был известен. Так уж судьба распорядилась, что мужа подруги перевели служить в его город. Позже она узнала, что друзья заранее договорились о совместной работе.

Во всяком случае, Наталья давно звала в гости, и Анна решила на поездку. Она знала, что Алексей до сих пор жил с родителями и был не женат. Сколько раз она порывалась написать ему о сыне, но воспоминание о грубости последнего разговора отбивало все желание поделиться радостью своего материнства. К тому же она считала, что подобные вести необходимо доносить при личной встрече, смотря друг другу в глаза.

Как благодарна была потом Аня судьбе, что не хватило ей тогда смелости явиться к Дорохову сразу домой, а набрала она его номер с ближайшего таксофона. Трубку взяла молодая женщина и веселым голосом начала допытываться, кто желает поговорить с ее Алешей. Не зная как представиться незнакомке, Анне ничего не пришло в голову, как назваться коллегой по работе.

– Алло, слушаю, – наконец услышала она знакомый голос.
– Здравствуй Алексей, – еле сдерживая себя, чтобы не расплакаться, проговорила Анна.

– Привет, – довольно холодно ответил мужчина, – и по наступившей паузе Аня поняла, что он ее не узнал. – Я слушаю, в чем дело?

– Алеша, это я, Анна.

– И что дальше?

– Ты, что совсем меня не помнишь?

– Ну, не очень что-то.

– Я Аня Ковалева, я здесь проездом, понимаю, мы не виделись несколько лет, но мне очень надо с тобой увидеться.

– А, я так не думаю. Вот, помню, винегрет был классный, а ты где сидела, справа или слева от него? – неожиданно хохотнул Дорохов. – Но все равно продолжения банкета не хочу, и не звони мне больше, – вдруг грубо добавил он и повесил трубку.

Аня не могла поверить, что только что об нее вытер ноги человек, о любви с которым она грезила бессонными ночами, которому она мечтала рассказать об их сыне. Глаза жгли невыплаканные слезы, в груди боль сжимала сердце в каменный комок и, казалось, еще немного и его тяжесть пригнет к земле и не даст больше сделать ни одного глотка воздуха. Женщина смутно помнила, как ничего не рассказав подруге, она в тот же день улетела домой.

Давно надо было расстаться с наивными девичьими мечтами. Забыть, надо все забыть. Она ни на мгновение не поверила, что Алексей не узнал ее, не вспомнил. Но своей грубой репликой, как пощечиной, он ясно дал понять, что ничего

в его жизни она не значила, никакого места не занимала. Он вычеркнул ее из своей памяти в тот же день, как уехал. Точно так же как тогда, когда выскочил из вагона в первую их встречу, думая, что пути их никогда более не пересекутся.

А они еще как пересеклись, но винить Дорохова Анна не могла. В конце концов, все их близкие встречи были инициированы ею самой. Это она любила, это она хотела стать матерью. Он даже не догадывался о силе ее чувства. Сколько раз она собиралась произнести слова любви и не могла, натываясь на равнодушный взгляд мужчины. У нее есть замечательный сын, и она сделает все необходимое, чтобы они были с ним счастливы.

Жизнь постепенно налаживалась. Антошка рос смышленным мальчуганом, и давно перестал задавать вопросы о своем отце. Она думала, что сынок пойдет по ее стопам, станет инженером. Помнит, как на десятилетие подарила ему техническую энциклопедию, которую умудрилась достать ее дорогая тетушка. В то время надвигающегося всеобщего дефицита купить что – либо стоящее, будь то продукты или книги становилось все труднее. Она тогда сама с упоением перелистывала глянцевые страницы огромной книги, повествующие о древних и современных достижениях науки и техники. Но... сын выбрал совсем другой путь. Возможно, и правы те, кто уверяет, что своим пристрастиям человек обязан своим генам. Ничего не зная об отце, наперекор же-

ланию матери Антон окончил медицинскую академию.

Каждый год, отправляясь с сыном в отпуск, где бы они его не проводили, Ковалевы заезжали в этот город, где жил Он. Формально для сына это звучало, как погостить у старых друзей тети Наташи и дяди Дениса. Там Антон и увлекся благородным делом врачевания. Давая подружкам провести время одним, Денис забирал иногда любознательного мальчугана в свои поездки на машине скорой помощи. Дорохов в то время резко пошел в гору по административной линии, и как-то так незаметно, но разошлись пути дорожки прежних приятелей. Денис изо всех сил тянул в своем городе разваливающийся штат скорой помощи, а Алексей возглавил завод медпрепаратов.

Жизнь Анны Ковалевой состояла из двух параллелей, которые не мешали друг другу, поскольку не пересекались. Она работала, растила сына, радовалась его успехам, тщательно следила за собой, но никого не впускала в свою личную жизнь. На протяжении почти четверти века коренным образом изменилась жизнь страны. Вырос сын и непросто встал крепко на ноги, а успешно повел собственные дела, связанные с фармацевтикой. Окружающим казалось, что Анна полностью растворившись в жизни сына, застыла в ней неизменной в своем состоянии – ухоженная одинокая женщина, только мать, только домохозяйка.

Ее долго не отпускал страх абсолютного безденежья в студенческие годы сына, когда ничего нельзя было купить, даже

если удавалось получить зарплату. До сих пор она замирала перед заваленными продуктами и импортными товарами полками супермаркетов, не в силах быстро выбрать из цветного нагромождения ярких этикеток что-то определенное. В конце концов, сын сам набирал корзину, снисходительно, подталкивая мать к выходу, привычно расплачиваясь карточкой, чем всякий раз вызывал у нее неизменную улыбку гордости за такого самостоятельного взрослого сына.

Ах, как хотелось ей, порой, показать Антона тому, кто подарил ей радость материнства. В этой другой параллели ее существования жил своей жизнью, шел уверенно своей дорогой Алексей Дорохов. Шел круто, шел уверенно. Оказавшись очень высоко, он легко перескочил бурные годы перестройки, встретив ее в богатом кожаном кресле. Она знала, что он женился на той, чье имя шептал в ее постели. У них росла единственная дочь, в которой Дорохов души не чаял. Он слыл примерным семьянином и ни в чем не отказывал любимым домочадцам.

Но вот уж поистине – сапожник без сапог – ну не делал доктор медицинских наук Дорохов примитивных прививок от энцефалита. Возвращаясь однажды с дачи, заметили они на дороге ежика. И уже вполне взрослая дочь, но дитя города, не удержалась, чтобы не прихватить его к себе домой, обещая к следующим выходным вернуть зверька обратно в лес. Выручила брезгливость супруги, которая ни за что не соглашалась тащить колючее создание в городскую квар-

тиру. К тому времени пошел дождь, и главе семейства самому пришлось водворять ежа под придорожный кустик.

Почувствовав себя неважно, Алексей не придал большого значения легкому ознобу, и тем самым упустил драгоценное время, чтобы вовремя заблокировать инфекцию. Болезнь протекала тяжело, он выкарабкался, но ... чтобы вынырнуть из небытия ему пришлось провести в клинике более трех месяцев.

Домой жена привезла сильно постаревшего и очень уставшего от борьбы с болезнью человека. Совершенно седой с нечленораздельной речью и почти неспособный передвигаться вследствие паралича муж казался ей абсолютно незнакомым чужим пожилым человеком. Она не могла примириться с мыслью, что мужчине, занимающему рядом с ней место в супружеской постели немногим более пятидесяти лет и что это обожающий ее долгие годы красавец Алексей Дорохов.

В годы совместной жизни муж все заботы брал на себя, и она знала – что бы ни случилось, Алексей выручит, выкрутится, достанет, добьется, одним словом, сделает все, чтобы оградить ее и дочь от всех напастей. Но вот жизнь внезапно повернулась к ней обратной стороной – это они сейчас с дочерью должны были что-то предпринимать, что-то делать, чтобы не захлебнуться в нахлынувших на них проблемах. Мало того, что немогущий муж требовал ухода как маленький ребенок, но вдобавок надо было заниматься и фи-

нансовым состоянием семьи.

Неблагоприятный прогноз на будущее состояние здоровья Дорохова привел к тому, что тот лишился кресла директора завода, и начались денежные неприятности. Незадолго до болезни мужа дочь познакомилась с американским офицером ВВС, когда тот прогуливался на центральной площади, разыскивая свое посольство. Может, не более так сильно отец, дочка еще подумала бы, а стоит ли продолжать романтические отношения с иностранным военным. Но тягостная обстановка домашней больницы подстегнула ее решение выйти замуж и уехать из страны. А когда дочь сообщила о приближающихся родах и выслала матери приглашение, отъезд жены выглядел вполне благоразумным и необходимым.

Не мог предположить тогда Алексей Дорохов, что женщина, которую он боготворил с юности, с легким сердцем оставляла его в пустой квартире, сама себе не признаваясь, что не собирается больше сюда возвращаться. Когда жена уезжала, он с трудом смог проводить ее до входной двери, опираясь на трость, стараясь выговорить нежные слова любви и отчаяния от надвигающегося одиночества. Но жена смогла слышать только невнятное бормотание, которое нестерпимо раздражало ее последние месяцы. Хотелось быстрее покинуть стены, пропахшие лекарствами и не касаться, неопрятного парализованного старика с мелко трясущимися губами и пробритого лица.

Несмотря ни на что, он старался, он очень старался жить. Мощный инстинкт самосохранения, который удерживает человека на краю пропасти забвения, захватил организм и, потихоньку вытаскивал Дорохова из болота впившихся в тело и душу болячек. За последние годы, когда во главу всех отношений ставились дела денежные, Дорохов растерял старые связи, а новые не выдержали проверки. Спасительным оказался неожиданный визит старого знакомого Дениса, с которым служили когда-то вместе в дальневосточном госпитале, а на гражданке дружба не задалась, и встречаться доводилось только по долгу службы. Личных отношений никогда не выясняли с тех самых пор, когда Дорохов ясно дал понять другу, что ничем обязанным себя не считает перед их общей знакомой Анной Ковалевой.

Денис пришел тогда один со стандартным набором фруктов и небольшой спортивной сумкой, из которой жестом фокусника извлек толстолапого щенка. Никто их них не предполагал тогда, что из пушистого комочка в скором времени вырастет огромная преданная собачина, которая станет на долгие месяцы единственным членом семьи Дорохова. Теперь у него были постоянные обязанности – собака требовала еды и ежедневных прогулок. Алексей неизменно каждое утро отправлялся с животинкой в ближний продуктовый магазинчик, а вечером на прогулку по заброшенному скверу на задворках их переулка.

В разговорах с псиной постепенно вернулась речь, на про-

гулках окрепли ноги. Он научился работать с ценными бумагами, и жизнь спокойно потекла тихим ручейком, без всплесков и ярких проблесков человеческого счастья. Появились деньги, и он подолгу разговаривал с дочерью, стараясь скрывать в голосе тоску и отчаяние одиночества. Жена никогда не подходила к телефону, не стала она с ним разговаривать даже тогда, когда, получив от нее документы на развод, Алексей хотел поговорить с ней, не в силах поверить, что она действительно решила его бросить навсегда.

Алексей Дорохов сидел в тихой квартире, устремив взгляд на противоположную стену, где висел семейный портрет. Смеющаяся дочка – школьная выпускница, красавица жена в вечернем платье и он – роскошный мужчина в смокинге. Неужели это было? Когда это было? В другой жизни? Он так их любил, он так их любит. Что он сделал не так? Почему сейчас один? От тоскливого созерцания фотографии Алексея оторвало прикосновение мокрой носопырки преданного животного – будто чувствуя горькое настроение хозяина собака, тихо поскуливая, все тыкалась мордой в его ладони. Накинув отработанным движением на лохматого друга ошейник и привычно пристроив в руке трость, Алексей направился на прогулку.

Анна Ковалева и Алексей Дорохов возвращались. Поезд дальнего следования мерно раскачивал вагон, колеса убаю-

квивающе стучали по рельсам, будто поддакивая их мыслям – «на Восток, мы снова едем на Восток». За окном мелькали давно забытые лесные пейзажи. Он уже не помнил, когда последний раз ездил по железной дороге. Они решили так из-за пса, который сейчас по-хозяйски растянулся во все купе, уложив довольную морду на колени женщины и прикрыв глаза, благосклонно принимал ее почесывания.

Алексей все никак не мог принять то, что дама, сидящая напротив него в купе, есть та легкомысленная, как он считал тогда особа, которая, будучи старше на несколько лет, обхаживала его своей заботой и любовью. Ее чувства тогда мало его волновали – он был всецело занят собственными переживаниями и принимал ее женское участие, как должное, в конце концов, она от него получала, что хотела. Разве мог он предположить, что она решится на судьбу матери – одиночки.

Дорохов взглянул на Анну, в который раз стараясь припомнить ее тогдашнюю, молодую, и не мог – не помнил. Очень уверенная в себе красивая женщина, сидящая напротив, выглядела намного его моложе и казалась ему абсолютно чужой и незнакомой. Зачем? Зачем же он согласился поехать с ней? От тоски и одиночества? Или от той пустоты, что поселилась в душе после развода с женой? Нет, решающим для него, явилось то, что в дальнем городке его ждал сын, его сын. Взрослый сын, которому сейчас на несколько лет больше, чем ему тогда, когда он впервые встретился

с Анной.

Поглаживая собаку, которая прилежно урчала у нее на коленях, прикрыв глаза, Анна старалась успокоиться. Она не ожидала, что так быстро получится задуманное. Но вот он, Алексей Дорохов, сидит напротив, почти рядом, почти вместе, измученный болезнью и одиночеством человек. Сердце щемило от любви и нежности.

Ах, эта горькая сладкая нежность, которую она пронесла к нему через всю жизнь! Ну, куда ж от нее деваться, если каждый день она видела молодого Дорохова в лице сына, который с годами все больше становился похожим на своего отца. Женщина прекрасно понимала, что именно приглашение сына явилось тем главным, что повлияло на решение Алексея поехать с ней, а никак не чувства к ней самой. Да и какие тут могут быть чувства, если за четверть века он даже ни разу не вспомнил о ней. Но ей хватит сил со всем этим справиться – и с его болезнью, и с его равнодушием, хватит нерастраченной женской любви и нежности, чтобы обрести, наконец, свое полное семейное счастье.

Поезд медленно подходил к вокзалу. На перроне среди немногочисленного люда выделялся рослый молодой человек в строгом деловом костюме. Он был спокоен и уверен в себе – он просто встречал родителей.

На разных берегах

Предисловие

Любовь, конечно, категория свободная, своенравная и непредсказуемая. Ну, не зависит она от человека, что тут поделаешь. Пришла, захватила всего целиком и все тут!

Кто-то ошибся, повернул не туда, вернее, не к тому, и ничего изменить уже нельзя. Так карта судьбы легла – кому в радость, кому в горе. Сам выкарабкивайся, если не повезло. Или радуйся, что мимо не проскочил, заметил вовремя, сердца послушался. И советы в любви не нужны, даже вредны, порою.

Но, все же, страдая или радуясь (это как кому повезет), или вовсе отвергая чувства и не веря в сильную привязанность, а без любви никому не обойтись. Нет жизни без нее – любви этой человеческой. И не важно, мужчина ты или женщина.

Наверное, сейчас, в начале XXI века, трудно представить, что люди могут оказаться вне доступа общения, как это было совсем недавно – всего то каких-то 20 лет назад. И не где-то там, в трудно проходимых дебрях или бескрайних пустынях, диких степях или заснеженных северных просторах. Хотя сейчас и там есть она, эта дальняя связь – имей только спутниковый телефон.

А может быть такая пресловутая «вседоступность»

и не всегда благо? Может иногда и надо бы очутиться вне доступа, чтобы оказаться, наконец, наедине с самим собой. Чтобы разобраться со своими чувствами, принять правильное решение – то самое, от которого будет зависеть будущее. И не только твое собственное, но и тех, кто рядом с тобой...

День, наполненный кропотливым трудом под палящими лучами южного солнца, заканчивался. Опускающаяся с отрогов соседних гор прохлада давала, наконец, возможность отдохнуть от нестерпимого зноя. Алексей сидел на берегу странной реки. Старое русло с крутыми скалистыми берегами будто вело в бесконечность. Там, где вместо воды застыл в вековом безмолвии мелкий рыжий песок, время безжалостно зачеркивало мгновения суетной жизни. Только одному прошлому был известен многовековой путь древней реки. И не было раскаленным камням никакого дела до его переживаний.

Сердце, переполненное невысказанной печалью от разлуки с дорогим человеком, сжимала неясная тревога. Уж не раз пожалел он, что не взял Катюшу с собой. Пусть жара, пыль и полное отсутствие комфорта, но зато вместе, рядом и ночи под одной крышей. И что на него нашло, о чем думал, когда в такой спешке отправился в экспедицию? Задержался бы на несколько дней, да оформил ей допуск. И не маялся бы сейчас, неприкаянный, в своем тоскливом одиночестве.

Однако накануне отъезда остановило его что-то в ее

взгляде. Непонятная грусть, незадаанный вопрос. О чем? Она нелегко к нему привыкала, к его новому отношению к ней – не как к своей студентке, а как к любимой женщине. Ему и самому понадобилось что-то в себе открыть заново, чтобы до конца осознать – вот он его выбор. Вот она – та единственная и неповторимая, та желанная, что может заполнить жизнь новым смыслом бытия, любовью и состраданием, заботой и теплом.

Но не все оказалось так просто. И дело было даже не в возрастной разнице, в конце концов, она была не так уж и велика, хотя семь лет, это уже разные поколения. Нет, скорее всего, сказывалось различие окружающей среды – он вращался во взрослом кругу ученых мужей, а ее постоянно окружало беззаботное веселое студенчество. Он терпеливо ждал.

Алексей еще никогда не любил так сильно, так неудержимо, до судорожного дыхания от страха потерять, когда она неожиданно задерживалась. Поначалу его тревожила ее настороженность, но он был заботлив и нежен. И постепенно прежняя отстранённость между ними растаяла. Он чувствовал, как и ее постепенно захватывало это восхитительное осознание собственной значимости в душе другого человека.

Они еще не разлучались так надолго. А что, если она снова удалится от него? Может он все же поторопился? Нет, нет. Она любила его – он видел это в ее глазах, утопая в чувственности ответных поцелуев. Но тогда отчего же так щемило сердце, билось в тоске, будто в предчувствии неминуемой

утраты.

Почему в детстве время не замечаешь – так много в него вмещается, столько всего успевает произойти, а впереди еще вся жизнь с радостями и огорчениями, находками и потерями, впереди жизнь, которая только начинается.

Но годы идут, бегут, мчатся в неумолимом своем беге и только сны и мечты остаются, как прежде, непознанные, несбыточные. И никто не может сказать – отчего же так, а не иначе? Почему? Мы растем, взрослеем, старимся, а мечты остаются, как были, молодыми. Они не идут на компромисс ни с жизнью, ни со смертью. Они вечны в своей молодости и борьбе, борьбе за счастье, борьбе за любовь.

Борьбе за любовь? Причем здесь борьба, если любишь? Катюша постаралась удобнее пристроить голову на жестком кресле и снова погрузилась в свои размышления о любви. Впрочем, думать можно было о чем угодно – никто не мешал, философствуй на здоровье.

Чтобы оказаться, наконец, в самолете, ей пришлось перекаптоваться почти полсуток на жутко неудобной металлической лавке маленького южного аэропорта. По причине грозового ненастья они не успевали долететь до места назначения и хорошо, что хоть этот аэропорт смог принять их, беззаботно летящих в отпуск на чудный берег теплого моря. Измученные долгим ночным ожиданием, пассажиры летели спокойно – кто дремал, кто пытался что-то читать, не предпри-

нимая никаких телодвижений в сторону ярко накрашенной стюардессы.

Небо под утро расчистилось, и Катя с удивлением заметила, как прекрасно видна земля из иллюминатора. Под ними расстилались огромные зеленые пятна, по-видимому, поля, изредка перемежающиеся более темными полосками лесов. Кто-то вдруг легко коснулся ее плеча. Слегка дернувшись от неожиданности, Катюша повернула голову.

– Как долго земля помнит нанесенные ей раны, – тихо произнес сидящий рядом пассажир, устремив грустный взгляд в сторону иллюминатора.

– Что, простите, – девушка, с удивлением разглядывала исполосованное резкими морщинами очень смуглое лицо пожилого человека.

– Позвольте представиться – Самойлов Владимир Павлович, – старик слегка наклонил голову в учтивом приветствии.

– Катерина, – машинально отозвалась Катя.

– Очень приятно, замечательное имя, – мужчина, перевел взгляд на нее.

– Видите, милая барышня, – продолжил он, – эти пятна на поверхности полей – словно, оспинами покрытая земля. Это следы от разрывов авиационных бомб. Бомбили здесь ужасно. Сколько лет прошло, как война закончилась, считай полвека, а земля до сих пор раны свои зализать до конца так и не смогла, как впрочем, и люди, – уже каким—то другим,

более глухим голосом добавил он.

Для Кати, родители которой были намного моложе собеседника и войну встретили детьми, странным было воочию наблюдать такие огромные последствия военных действий. Она видела, с какой горечью и болью смотрел старик в иллюминатор. Для ее поколения Отечественная война являлась Великой победной историей, историей уважаемой, но все-таки историей, которая давно закончилась. Никак не думала она, что земля до сих пор хранила на себе отпечатки военных действий. С высоты полета отчетливо виднелись не только выделяющиеся более темным фоном следы от бомб, но и большие овраги, служившие в то далекое лихолетье противотанковыми рвами.

За грустными воспоминаниями неожиданно разговорившегося старика как-то совсем незаметно пролетело время полета. При расставании Владимир Павлович вручил ей свою визитку со словами, что был очень рад познакомиться с такой милой барышней, и добавил, что с удовольствием составит ей компанию, если у девушки появится желание ознакомиться с местными достопримечательностями. После чего Катюше ничего не оставалось, как вежливо поблагодарить его за приятно проведенный полет и подать руку на прощание.

Седовласый попутчик, слегка склонившись, вдруг нежно поцеловал ее кисть, как, наверное, делали в его далекой молодости, но к чему совершенно не была приучена современ-

ная молодежь. Не то чтобы Катюше никогда раньше не целовали руки, просто до сих пор, как ни странно, ей не целовали руку так галантно.

Почувствовав смущение девушки, Владимир Павлович, отпустив ее, тихо рассмеялся.

– Не смущайтесь, милая девочка, поверьте – вы достойны самого лучшего, и всегда несите себя гордо, никому не кланяйтесь.

– Вы достойны самого прекрасного в мире, – неожиданно став очень серьезным, добавил он, – настоящей любви, любви с большой буквы.

Катя уже сожалела, что разоткровенничалась с посторонним человеком, но, посчитав, что никогда более не встретится с учтивым стариком, решила выкинуть из головы случайную беседу. В конечном счете, их шептания в самолете никого ни к чему не обязывали.

Но пока она добиралась на автобусе до поселка городского типа, где проживала подруга, которая и была инициатором всей этой длительной поездки, мысли о том, что ее отъезд накануне собственной свадьбы выглядел довольно странным, не давали покоя. Своим решением провести часть летних каникул без Алексея, да еще так далеко от дома, она удивила не только друзей, которые рассчитывали на веселое участие в предсвадебных мероприятиях, но и неприятно шокировала мать с отцом, которые надеялись на знакомство с родителями жениха еще до свадебной церемонии.

Катерина не стала их расстраивать, а просто, не вдаваясь в подробности, представило все так, как считала пристойным. Ну, не могла она сказать, что родители Алексея, находясь в разводе недолгое время, никак не могли договориться, кто будет присутствовать на свадьбе – они поодиночке или со своими новыми супругами. Именно поэтому, не выдержав их препирательств, Алексей принял решение на практике проверить свои научные доводы и раньше ее отъезда вылетел на полигон. Испытания проходили в далекой азиатской глуши, куда нельзя было никого взять без спецдопуска, а у нее, его невесты, такого пропуска, конечно, не было, хотя она и училась в том же университете, где вел аспирантуру ее будущий муж.

Будущий муж... Катюша всякий раз с улыбкой вспоминала досадные обстоятельства их знакомства. На втором курсе во время лабораторной работы вместо заболевшего преподавателя появился он – красавец аспирант Алексей Мелехов. Девчонки нервно шушукались, стараясь лучше рассмотреть новичка.

От их смешков у Кати выскользнула пробирка, звонко разбившись о каменный пол лаборатории. В нос ударил резкий запах реактивов, вызвав судорожный кашель до слез. С накрашенных ресниц потекла тушь, от которой слезы побежали еще сильнее в два серых ручья. Вся эта неприглядная картина обратила ненужное внимание серьезного лаборанта.

Мелехов громко отчитал студентку за небрежность и попросил удалиться для приведения себя в порядок. Катюша никак не ожидала от молодого человека подобной реакции. Новый аспирант повел себя словно строгий школьный учитель, отчитывающий нашкодившего младшеклассника.

Не знал тогда Алексей, с кем связался. Екатерина Карелина все два месяца, что он принимал у них лабораторные работы, сдавала отчеты, в которых прекрасным русским языком описывала проведенные опыты, вставляя подходящие стишки, будто писала поэму. При этом она не просто приводила схемы опытов, а разрисовывала их так, что впору было такой рисунок вставлять в рамку и вывешивать на стену. Каждую лабораторную работу девушка оформляла в виде отдельной тетради с посвящением великому подвижнику химических наук аспиранту Мелехову.

Поскольку определенных канонов в оформлении лабораторных работ не существовало, а результаты были верными, то аспиранту ничего не оставалось, как засчитывать строптивой студентке их выполнение. На кафедре иногда подтрунивали над молодым сотрудником по этому поводу, но никто не мог предположить, что вполне объяснимые романтические отношения между второкурсницей и преуспевающим молодым ученым довольно быстро перейдут во что-то гораздо большее и серьезное, чем наивный флирт.

Сам Мелехов не ожидал от себя, что его так глубоко зацепит вредная студентка. Сначала Алексей, из какого-то чи-

сто мужского самолюбия, решил ни за что не обращать внимания на выкрутасы Катерины. Даже тогда, когда девушка явно провоцировала преподавателя, всячески игнорируя его серьезные замечания на практических занятиях или мешая ему читать лекцию, постоянно вставляя смешливые реплики, вроде фразы «безусловно, многоуважаемый профессор».

Привычным ходом шла зимняя сессия. Наступили обещанные морозы. Мелехов жил недалеко, но и тех десяти минут, за которые почти пробегал от своего дома до главного здания, хватало, чтобы основательно продрогнуть в модной дубленке. Чего уж говорить о студентах, которые с большим трудом добирались до университета, расположенного хоть и в центральной части города, но в очень неудобном месте относительно маршрутов городского транспорта. Несколько зданий крупного учебного заведения были раскиданы на территории обширного парка, и студентам в своих все сезонных курточках порой приходилось несколько раз за день перебегать из здания в здание, чтобы попасть на нужную лекцию.

Вот и сегодня замерзшие молодые люди скукошенным гуськом ползли по заиндевевшим аллеям парка на очередные экзамены. В раздевалке внимание Алексея привлекла закутанная барышня. Вся в инее, она торопилась раздеться, но замерзшие руки не слушались, и девушка все никак не могла освободиться от коротенькой шубки. Когда Мелехов помог барышне снять верхнюю одежду, на него устави-

лись знакомые глаза в заиндеветых ресницах – Катя Карелина смотрела непривычно серьезно, а у него вдруг закружилась голова от пронзительной синевы девичьих глаз.

Мелехов привык видеть строптивую студентку в постоянно смешливом настроении в беспечном окружении молодых людей. Но эта неожиданная встреча с непривычно серьезной Карелиной обескуражила молодого человека до такой степени, что из головы вылетели все необходимые слова. Вроде бы надо поздороваться, но девушка продолжала молчать. А он, словно во сне, в каком-то остановившемся времени, взяв ее замерзшие руки в свои ладони, пытался согреть их собственным дыханием, что больше походило на нежный поцелуй, чем на простое дружеское участие. Не отводя взгляда, в котором не мелькнуло ни тени узнавания или удивления, не говоря ни слова, Катя медленно отняла руки и, резко развернувшись на каблучках высоких сапожек, бросилась из раздевалки, не дождавись номерка гардеробщицы.

Карелина ужасно опаздывала на экзамен по органической химии. Как она ненавидела этот предмет. Со школы, где все дисциплины давались легко, хотя бы по тому, что были ей интересны, она не любила химию за ее нелогичность, за то, что нельзя было все разложить по полочкам, вывести результат задачи через нужные формулы. Особенно она не выносила органическую химию, где казалось совершенно непонятными все эти фигуры в формулах, которые составлялись черточками всего из трех символов O, H, и C. Она так бы

и не выжала в школе за химию больше тройки, если бы не отличные результаты по всем остальным предметам. Школьная химичка не стала портить ее аттестат.

Школа осталась позади, но и здесь в политехе ее снова мучила химия, оказавшаяся обязательным предметом в программе факультета. Но на этот раз все обстояло намного сложнее. И не столько потому, что Катюша не любила сей предмет, а еще и потому, что ко всем трудностям, которые доставляла ей химия, она окончательно, как ей казалось, испортила отношения с придирчивым аспирантом Мелеховым. Он мог запросто встать на принцип и не допустить ее до сессии, забраковав лабораторные работы.

Девушка и сама не понимала, с чего вдруг так ополчилась на него. Молодой аспирант раздражал ее своей стандартной красотой, своей высокомерной манерой преподавания, будто сам никогда не был студентом, а сразу выскочил из юности в научные круги.

Незадолго до зачетов Катюшу попытался вразумить староста, что, мол, ее выкрутасы могут испортить ей зачетку, а ему успеваемость группы. И Катюша присмирела, на последних занятиях старалась не лезть на рожон, тихо сидя на консультациях. А когда узнала, что и зачет, и экзамен будет принимать сам профессор, что читал лекции всему курсу, то и вовсе успокоилась.

Даже столкнувшись на входе с Мелеховым, девушка не встревожилась. Добираясь до института в насквозь за-

леденелом трамвае, который, казалось, на последнем издыхании скрипел по заснеженным рельсам, Катя промерзла до такой степени, что анализировать неожиданное внимание в раздевалке со стороны вредного аспиранта не было никаких сил. Карелина сильно опаздывала, экзамен давно начался, а значит его, действительно, принимал кто-то другой. Она так торопилась, что приняла помощь молодого человека автоматически, как обычно делала от своих приятелей.

Катерина стремительно бросилась к нужному кабинету, возле которого в одиночестве маялся их староста. По его мрачному виду девушка поняла, что безнадежно опоздала, но парень, объясняя, что профессор до сих пор не ушел, бесцеремонно втолкнул ее в кабинет.

Пролепетав что-то вроде извинения за столь поздний приход, Катюша, стараясь унять мелкую дрожь, поторопилась выбрать один из двух оставшихся экзаменационных билетов, сиротливо белеющих на просторном профессорском столе.

– Проходите, располагайтесь, голубушка, – отвечив хозяин кабинета, не поднимая головы, будто и не заметив опоздания студентки, спокойно продолжая что-то писать.

Тепло и сонная тишина стали коварно обволакивать Катюшу, которая только сейчас почувствовала, до какой степени промерзла. Ноги в модных сапожках больно щипало, внутри тела все вибрировало и отдавалось глухим шумом в висках. Она пыталась сосредоточиться на вопросах билета, но ничего не всплывало в голове, словно дорога сво-

им жутким холодом стерла из памяти все знания. Девушка вдруг с ужасом поняла, что сейчас не смогла бы ответить ни на один вопрос. Катя бездумно уставилась в чистый лист бумаги, распластанный перед ней на столе, и на какое-то время просто отключилась от реальности. Ей ни о чем не хотелось думать – только согреться, больше ничего.

Часы на стене профессорского кабинета мерно отсчитывали секунды. Время шло, а Катерина тихо продолжала медитировать над непокорным билетом. Через четверть часа профессор сам пригласил барышню к себе за стол. Очнувшись от вежливого вопроса, девушка тихо откликнулась, что еще не готова отвечать.

– С вашего разрешения я оставляю вас ненадолго, – спокойно проговорил преподаватель и покинул кабинет.

Катя знала, что на экзаменах профессор часто давал студентам возможность тихонько списывать теорию с конспектов. Все равно, это редко помогало в решении поставленных задач, что собственно и являлось главным критерием знаний студента для умудренного жизнью старого преподавателя. Конспект у Катюши был с собой, но не было уже ни сил, ни желания им воспользоваться. На нее нахлынуло такое безразличие, такая полусонная апатия, что хотелось только одного – чтобы ее никто не тревожил, пока она оттаивала в тиши теплого уютного кабинета.

Когда вернулся экзаменатор, Катя, преодолев нахлынувшую слабость, нерешительно подседа к нему за стол. Ее за-

четка лежала рядом открытой страницей нынешней сессии, на которой отличными оценками красовались все сданные ранее предметы. Злосчастный экзамен по химии стоял в зимней сессии последним.

В это время кто-то заглянул в кабинет, и профессор приветливо кивнув, пригласил войти и подождать, пообещав, что скоро освободится. Катя, тупо уставившись в стол, не обратила никакого внимания на вошедшего. Ей было не до визитеров профессора, который, видя замешательство студентки, предложил попробовать решить задачу из другого билета. Карелина послушно взяла последний билет, не в силах преодолеть свою вялость. Голова ее по-прежнему оставалась заполненной пустым звоном полного отсутствия здравых мыслей.

Молодой человек, до этого спокойно наблюдающий за мучениями студентки, что-то написал на оставленном пустом листке и протянул экзаменатору. Профессор, быстро прочитав записку, удивленно взмахнул сросшимися бровями и, покачивая головой, вдруг тихо рассмеялся.

– Идите, голубушка, отдохайте, – продолжая улыбаться, проговорил он, подавая зачетку.

Катя, оторвав, наконец, взгляд от стола, с удивлением узнала в молодом человеке Алексея Мелехова. От стыда, что знакомый аспирант видел ее глупый провал, девушку бросило в жар – будто кипятком облили. Стало вдруг невыносимо жарко и душно. Схватив зачетку, она выбежала из кабинета.

У дверей ее весело встретил староста с шутливыми словами благодарности, что подруга все-таки успела сдать экзамен.

– Ну, как? Сколько? Повышенную сохранила? – затормошил ее парень, и сам открыл зачетку, не дождавшись ответа.

– Ну, молоток, все отлично, – закружил он девушку.

– Что? – Катя изумленно разглядывала страничку собственной зачетки, где в строке последней дисциплины стояла запись «Отлично» за витиеватой подписью профессора.

Не знала тогда Катя Карелина, что в записке, которую передал Мелехов экзаменатору, была всего одна, но такая потрясающая фраза, перед которой трудно было устоять, кому бы то ни было:

«Не мучайте, пожалуйста, дорогой профессор, мою будущую жену. Поверьте мне, она – большая умница!»

Алексей терпеливо ждал в раздевалке, удивляясь собственной выходке в кабинете, где застал непривычно молчаливую знакомую студентку. То, что Карелина просто физически была не в состоянии отвечать на поставленные вопросы, Мелехов понял сразу, заметив ее апатичное состояние. Но то, что он написал для профессора, импульсивно поддавшись сиюминутному настроению, было совсем не шуткой. Сегодняшняя встреча с Катей, такой замершей, такой несмешливой как обычно, будто сбросила пелену с происходящего вокруг них. Он ясно увидел ее – свою желанную, ту, которую хотел бы видеть рядом с собой всегда, и днем и ночью, и в горе и радости, и до конца дней своих.

Здесь, в продуваемой холодным сквозняком из постоянно хлопающей входной двери раздевалке и произошло их объяснение в любви. Получив девичью шубку по номерку, который так и пролежал у него в кармане, Алексей не спеша помог девушке одеться. И пока Катя молчаливо упаковывалась в теплый шарф, тихим, вибрирующим от внутреннего волнения голосом сделал ей предложение стать его женой.

Она долго привыкала к нему, нежному и влюбленному, не понимая ни себя, ни его. Конечно, Катюша не приняла скоропалительное предложение Алексея выйти замуж в тот холодный зимний день, когда охваченная смятением от его нежности зябко куталась в шарф, не отклоняясь от поцелуев, но и не отвечая на них. И все же...

И все же она ждала этих поцелуев. Встреча с Мелеховым наполнила ее жизнь новым смыслом – быть желанной и любимой. Катя, неожиданно для себя, весьма быстро привыкла к его присутствию рядом с собой. Она волновалась, когда Алексей надолго уезжал в дальние командировки, и очень тосковала в его отсутствие. Дни без аспиранта Мелехова казались ей теперь скучными и бесцветными.

Катерина уже не могла представить свою жизнь без этого красивого, сильного, такого нежного, любящего именно ее и только ее, мужчины. Алексей, казалось, полностью заполнил собой ту эмоциональную нишу, что была свободна в ее душе до сих пор. Невинные встречи со сверстниками, прогулки по вечерним улицам и походы в кино, что были у нее

когда-то, не шли ни в какое сравнение с теми ощущениями, что дарил ей Мелехов, окутывая постоянной заботой и любовью.

Единственное на чем настояла Катюша – это отложить официальную регистрацию до выпускного курса. И вот последние каникулы. Их заявление с намеченной датой на конец лета покоилось в загсе, родные готовились к давно ожидаемому событию, а они с будущим мужем разлетелись по разным сторонам света.

Из-за досадной задержки рейса в нужный городок Катя приехала в разгар рабочего дня. Пришлось изрядно поплутать по улицам прежде, чем она нашла нужный адрес. Родительский дом подруги утопал в зелени, за высоким забором никого не было слышно. Стоял жаркий полдень, даже собаки попрятались от жары и только куры с азартом что-то выискивали в пыльной траве. Изнуренная жарой, никого не дождавшись, девушка решила искупаться. Втиснув багаж за калитку, она отправилась на реку, водная гладь которой в конце улицы манила приятной прохладой.

В воде шумно плескалась местная детвора, но на пляже было немногочисленно. Катерина отошла подальше и спокойно поплыла вдоль берега. Река с небыстрым течением не казалась опасной, но внезапно что-то зацепило и круто потащило вниз. Катя не успела набрать воздуха и начала захлебываться. Вода стремительно закручивала девушку в омут, не давая

возможности выбраться наверх.

Очнулась Катя от непривычной тяжести на груди – кто-то сжимал ее в объятиях и старательно целовал. Девушка непроизвольно замотала головой, стараясь сбросить наваждение. Но то была объективная реальность – незнакомый парень делал ей искусственное дыхание по всем правилам врачебного искусства.

Катюша попыталась освободиться от спасителя, но тот не торопился ее отпустить.

– Ммм, – только и смогла она промычать, зажатая очередным поцелуем.

– Очнулась, наконец. Ты чего в омут полезла? – засмеялся мальчишка.

Катя шалело вертела головой, пытаясь оценить обстановку. На пляже по-прежнему было немногочленно. По-видимому, ей сильно повезло, что парень вовремя заметил ее барахтанье на опасной стремнине. Девушка встала, озираясь по сторонам, пытаясь найти место, где оставила свои вещи. Они были совсем недалеко, но ее вдруг сильно зашатало, и она снова присела на песок.

– Моя одежда, – Катя показала на дальнюю лавочку.

– Не беспокойся, сейчас принесу, посиди пока спокойно.

Парень быстро вернулся, крутя в руках тонкую полоску картона.

– Это из твоей одежды выпало? – протянул он ей визитку старика, с которым девушка познакомилась в самолете.

– А? Да, спасибо, – убирая визитку, небрежно кивнула Катя.

– Ты знаешь моего деда? – удивился молодой человек.

– Владимир Павлович твой дед?

– Меня зовут Юрий Самойлов, – и парень снова попытался ее обнять.

– Хватит, я уже пришла в себя.

– Если бы ты знала, как приятно тебя спасать, – и он так стремительно приник с поцелуем, что Катюша, не успев отпрянуть, снова оказалась во власти энергичного юноши.

– Да отстань ты от меня.

– Ни, за, что, – выразительно с паузами возразил Юрий. – И вообще, поехали к нам, – быстро предложил он.

– Что значит поехали к вам? Я вообще-то к подруге в гости приехала.

– Вот я и говорю – поехали. Но не к ней, а к нам. Тебе дед свою визитку дал – значит, пригласил, он просто так этими картонками не бросается. Ну, поехали, А?

– Да с какой стати-то?

– Ты мне очень понравилась. Нет, не так – я в тебя влюбился с первого вдоха.

– Это когда искусственное дыхание делал что ли? – рассмеялась Катя.

– Так точно, – по-армейски ответил парень, – ты же не будешь отрицать, что мы теперь связаны с тобой одним дыханием, – добавил он, нахально уставившись на ее грудь.

У Катерины, еще не совсем пришедшей в себя после экстремального купания, не было никакого желания заводить новое знакомство на пляже. Но и сразу дать резкий отпор своему спасителю, было как-то неудобно. О том, что сама она не смогла бы выбраться из чертового омута, девушка старалась сейчас не думать.

– Так, не, бывает, – в свою очередь также с паузами ответила девушка, принимая легкомысленный тон напористого парня, который теперь выглядел не таким уж и юным, как показался ей вначале. Было что-то строгое и очень серьезное в его темно-серых глазах на чистом загорелом лице.

– А как бывает?

– Ты даже имени моего не знаешь.

– А ты скажи – буду знать, а не скажешь, сам придумаю. Хочешь, я сам придумаю тебе имя? – продолжал дурачиться Юра, пытаясь снова ее обнять.

– Ну, придумай, – уворачиваясь от настырных рук, Катюша внимательнее присмотрелась к странному парню.

Взгляд широко распахнутых глаз юноши будто ласкал, притягивая своей необыкновенной мягкостью.

– Я бы назвал тебя Милой, – интригуяюще прошептал Самойлов.

– Да?

– Потому что любимая, – добавил он, вновь пытаясь ее поцеловать.

– Ты откуда здесь, такой пряткий? – остановила его Ка-

терина.

– Из медицинского, – расплылся тот в блаженной улыбке.

– Скоро выпуск, – неожиданно загорланил он, запрокинув голову и широко расставив руки, будто стараясь охватить весь мир своим безоблачным настроением.

Катя тоже засмеялась, ей вдруг стало очень легко. Лето, пляж, и обожающий мужской взгляд. И весело от одной мысли, как сейчас она расскажет этому чудаку, что она не просто взрослая девушка-старшекурсница, а еще и самая настоящая невеста, у которой в конце лета назначена свадьба.

Но Юру оказалось не так-то просто сбить с первого впечатления от их встречи. Он не поверил ни в ее возраст, ни в предстоящее замужество, пока она не показала свой студенческий билет.

– Подумаешь, старшекурсница, – фыркнул он небрежно, – ты выглядишь намного моложе меня. А насчет свадьбы – это точно выдумка. Если заявление подали, то почему ты здесь одна? Я бы тебя ни за что никуда одну не отпустил.

«...Ты бы не отпустил, а он отпустил, и сам один уехал», – неприятной тенью мелькнула мысль, обидно царапнув по девичьему сердцу.

Сжавшись в мелком ознобе, Катюше стало очень жалко самой себя. И от того, что она одна, без привычного Мелехова, оказалась так далеко от дома. И что никто ее здесь не встретил, да еще так глупо чуть не утонула. Что успокаивает ее какой-то чокнутый, совсем чужой, парень. Конеч-

но, он ей очень помог, но ухаживания энергичного спасателя только добавляли горечи в ее состояние. Хотелось домой, забраться в теплую постель и ни о чем больше не думать.

День кончился неприятным известием, что подруге отпуск задерживали. Это означало, что долгожданная поездка на море, которое плескалось всего в какой-то сотне километров, отодвигалась на неопределенный срок. Первые несколько дней прошли в бездумном отдыхе в саду гостеприимных хозяев и вечерних прогулках на реку.

Она бы и думать забыла о своем водном приключении, не возникни вдруг спустя пару дней на вечернем пляже знакомая фигура ее спасателя. Юрий появился с огромной охапкой каких-то ярких экзотических цветов. Быстро и галантно знакомясь с подругой, он повел себя как давний знакомый Катерины. Весь вечер они беззаботно провели на берегу теплой реки.

Закончить встречу дружно решили в местном кафе. Южный вечер обволакивал теплым влажным ветром, напоминающим о близости желанного моря. Катя танцевала в крепких объятиях нового знакомого.

«...Что я здесь делаю?» – думала она, стараясь ослабить руки партнера, такого чужого и в то же время такого близко-го, грустинка в глазах которого все сильнее затягивала своей загадочной нежностью.

– Я тебя сейчас поцелую, – то ли спрашивая, то ли утвер-

ждая, проговорил Юрий.

И она промолчала, только прервала танец и решительно направилась к выходу.

– Я завтра заеду за тобой после обеда. Мы поедем к деду. У него отличная дача на самом берегу моря. Тебе понравится, – уже кричал он вслед Катюше, которая торопливо уводила подругу домой.

– Катька, ты, когда успела с ним познакомиться? Ничего себе – невеста. Там, дома, жених, а она здесь свиданькается с самым крутым местным хлопцем, – хихикнула подружка.

– Люба, ты что, его знаешь?

– Да кто ж его не знает? Это ж Юрка Самойлов. Его машина – главный врач нашей клиники, а отец – глава местной власти.

– И что? Не любите вы их?

– Нет, не то. Люди весьма уважаемые, уж поверь. И дед у них – очень известный доктор – светило в медицине мирового уровня. Говорят, внук по его стопам пошел, только уж больно ловеласничать любит. Так что ты, смотри, не очень увлекайся. А впрочем, поезжай к ним на дачу, хоть на море побываешь. А то обидно – в такую даль летела и в морской водичке не поплещешься.

– А загс от тебя никуда не денется, – беспечно продолжала подруга. – Если, конечно, – она вдруг резво развернула Катюше к себе, – ты сама до него не дойдешь. А? Ведь понравился тебе Юрка, признавайся. Он, конечно, всегда дев-

чонкам нравится, умеет он это делать. Но я видела, как он на тебя смотрел. И когда только вы успели? – задумчиво покачала она головой.

– Любка, ты с ума сошла. Глупости говоришь. Просто с ним как-то легко и просто. Будто мы и, правда, давно знакомы. И знаешь, я поеду завтра с ним. Проведу на море оставшееся время. С такими людьми, как его дед, очень интересно общаться.

– Ну, конечно. Особенно, когда у него такой замечательный внук, – засмеялась Люба. – А знаешь, – добавила она сквозь смех, – может я тоже смогу выбраться к вам на выходные. Пригласишь в гости, дорогая подруга, по старой дружбе? – хитро подмигнула она.

Так Катерина снова встретила с Владимиром Павловичем. Старый профессор был очень рад ее приезду. Дед обычно бывал в курсе амурных походов своего внука. Но когда тот рассказал про новое знакомство, настоятельно стал приглашать их в гости. Дед сразу заметил то необъяснимое, неподдающееся никакому анализу, настоящее чувство, что захватывало его внука все сильнее с каждой новой встречей с девушкой.

Поначалу Катюшу несколько настораживала фамильярная настойчивость Юрия, которую тот позволял себе на публице. Но девушка была приятно удивлена его тактичностью в доме профессора. Не знала Катерина, как строго пригро-

зил дед внуку, если тот позволит себе привычное развязное поведение относительно милой гостью.

Но опасения старшего Самойлова были напрасны. Накануне приезда своей новой подруги Юра признался деду, что никогда еще с ним не происходило ничего подобного.

– Тогда держи ее, парень, и держи крепко-крепко. С такими жизнь дарит встречу только один раз. Упустишь свою жар-птицу – другой не встретишь никогда. Потеряешь ее – всю жизнь сожалеть будешь, но вернуть любовь невозможно. Уж ты поверь старому, – тяжело вздохнул дед, видно вспомнив что-то свое глубоко личное и очень далекое.

Неделя на морском берегу пролетела быстро – в пене морских волн, под палящим южным солнцем, в тени душистых магнолий, под вечернее стрекотанье цикад, в ночной прохладе лунных ночей.

Катюше казалось порой, что она попала в какой-то совсем другой мир – мир, заполненный до краев мужским обожанием ее собственной персоны. Здесь никто ничего от нее не требовал, не ждал какого-то особенного понимания и внимания. Ее просто слушали, смешили, за ней ухаживали. Ее любили.

По вечерам зажжённый камин объединял обитателей дома необыкновенной атмосферой тепла и загадочности. Катерина растворялась в потрясающей доброте старого хозяина, когда тот рассказывал истории из своей долгой наполненной разными событиями врачебной жизни.

Владимира Павловича радовала и та нежность, с которой смотрел на гостью его любимый внук, и то, как завораживал парня ее внимательный взгляд широко распахнутых глаз, в которых чудно отражались яркие блики пламени камина. Но старик никак не мог понять, как сама девушка относилась к Юрию. Он чувствовал, что где-то в глубине юной души что-то постоянно тревожило, не отпускало ее, особенно омрачая последние дни отдыха. Было что-то настороженное в поведении Катерины.

Старший Самойлов прекрасно понимал быстротечность времени, какие превратности таят в себе судьбы человеческие, до чего непредсказуемы порой бывают ее повороты, но завести разговор с молодежью об этом как-то не решался. В конце концов, жизнь сама должна все расставить по своим местам. И не ему, человеку, прожившему довольно долгую и не очень счастливую личную жизнь, пытаться влиять на отношения молодых людей.

А Катя сама себе боялась признаться, до какой степени ее затягивало обволакивающее обаяние нового друга. Она не очень верила, что сильное чувство могло возникнуть внезапно, с первых минут знакомства, как уверял ее Юрий, но и не замечать его влюбленности она тоже не могла.

В конце концов, девушка решила прервать свой отдых и поменяла билет на более ранний срок.

– Ты сама себя испугалась, – заметила Люба, приехав навестить ее на выходные.

Не решаясь вслух возразить подруге, Катя вдруг подумала, что возможно та не так уж далека от истины.

– Ты хоть его предупредила, что улетаешь скоро?

– Скажу, конечно. Вот тебя поведем провожать, тогда и скажу, что уезжаю вместе с тобой.

Но уехать вместе с подругой не получилось. Юрий пригласил ее на экскурсию в местный заповедник, посетить который можно было только по предварительной договоренности. Было невежливо, да и просто глупо отказываться от прогулки, для организации которой было приложено столько усилий. На следующее утро Люба в сопровождении Владимира Павловича уехала в город, а Катерина отправилась с молодым Самойловым на прощальную экскурсию.

Заповедный парк был великолепен. Казалось, огромные реликтовые деревья скрывали своей листвой таинственные тени давно минувших эпох. Укрывшись под одним из таких великанов от полуденного солнца, Катюша на какой-то момент потеряла из виду своего спутника. На нее внезапно навалилась неестественная тишина глухого первобытного леса. Лесное затишье давило и беспокоило своей заброшенностью и одиночеством.

– Юра, – попыталась крикнуть она, и осеклась, почувствовав на плече хватку чьей-то сильной чужой руки.

– Какая птичка, – развязно хохотнул неопрятный мужик, отвратительно дыша на девушку застарелым перегаром.

– Отойди от нее, ну, живо, – Самойлов стоял недалеко, спокойно держа руки в карманах.

– А то что? – в руке мужика сверкнула пивная бутылка. Он с размаху ударил ее о ствол дерева, превращая в опасный осколок.

– Уходи, – каким-то странно чужим голосом сказал Юрий, не двигаясь с места, продолжая в упор смотреть на негодея.

– Так и сказал бы, что твоя ..., – грязно выругался мужик, не отпуская Катерину, в ожидании, что противник сейчас не выдержит брани и кинется на него.

Но Юра, к удивлению Кати, и шага не сделал в их сторону. Он лишь начал медленно вынимать руку из кармана. На какое-то мгновение ей показалось, что сейчас произойдет что-то страшное, непоправимое. Еще мгновение – и обратно дороги не будет.

– Не надо Юра, не делай этого, – закричала она, сама не понимая чего так испугалась. Ну не пистолет же у того в кармане.

Видимо подобная мысль пришла в голову и ее обидчику. Уж очень уверенно и страшно в своей неподвижности держался Самойлов.

Мужик внезапно захрипел, схватившись за горло, словно задыхаясь, и разжав хватку, стремительно кинулся вглубь леса.

Для Кати происходящее напомнило дурную сцену из банального кинофильма. Все было настолько неожиданным,

что она даже не успела всерьез испугаться.

– Ты куда подевался? – только и смогла спросить девушка.

– А ты? Зачем ты бежишь от меня? – подошел Юра, широко расставляя руки, чтобы упереться в дерево. Ничего такого, что могло бы сойти за оружие, в карманах у парня не было. Просто Катерина не знала, какими гипнотическими способностями обладали Самойловы. Впрочем, об этом знали очень немногие, самые преданные люди.

Ее голова оказалась между его ладонями, они смотрели друг другу глаза в глаза очень серьезно, как никогда до сих пор. Молодой человек еще не совсем пришел в себя от недавней эмоциональной схватки, стараясь не выдать своего состояния. Меньше всего хотелось сейчас, чтобы Катя принялась расспрашивать, как ему удалось так напугать противника. Не хватало еще, чтобы девушка заподозрила его в гипнотическом влиянии на ее сознание.

Все эти дни Юрий постоянно чувствовал, как она пыталась отстраниться от его внимания. Вроде бы вот он – ответный ласковый отблеск в ее глазах. Но нет – снова полное отчуждение. А время неумолимо убегало – их общее время.

А он любил, действительно, любил ее. Сам удивляясь, что способен на такое, когда каждая клеточка вибрировала от одного лишь прикосновения к ее руке, а сердце замирало от переполнявшей нежности.

Но как, боже ж ты мой, как ей это доказать, как достучаться до ее сердца, такого далекого и чужого еще совсем

недавно? Такого родного, самого близкого вот уже несколько дней. Тех дней, когда он дышать не мог без нее. Когда вдруг осознал, что раньше была совсем другая жизнь – жизнь без нее. И сейчас с ужасом, со страхом и болью, с неопишуемым восторгом понимал, что дальше счастливо жить без ее присутствия здесь, рядом с ним, он уже не сможет.

Тогда было тоже хорошо, спокойно, легко и весело. Тогда он был просто мальчишка, юнец, счастливый своей молодостью. И только. И только! Но вот она стоит – и все изменилось. Мир изменился – и в этом мире изменился он сам. Он не просто повзрослел, он почувствовал себя мужчиной, тем самым, который в ответе за нее – маленькую, хрупкую, в ответе за женщину, за свою женщину, за свою любимую.

– Я люблю тебя, не уезжай, останься со мной, – его голос чуть дрожал от внутреннего напряжения.

На нее смотрел взрослый незнакомый мужчина, совсем непохожий на того бесшабашного парня, что нежно спасал ее на пляже. Казалось с того дня прошла вечность, а не те несколько недель, что она находилась вдали от дома.

– Я тебя совсем не знаю, – еле слышно прошептала Катюша, пораженная его серьезностью. – Я не могу.

– Чего ты не можешь? Решиться остаться, признаться самой себе, что не так уж сильно его любишь? Или не веришь мне? Я вот здесь с тобой, а где он? – Юрий нервно сглотнул, стараясь удержать себя от страстного порыва подхватить девушку на руки, прижать к себе, всецело отдаться любовной

страсти.

– Я всегда буду рядом, дорогая.

Он целовал ее, прижатую к стволу старого дерева, не давая возможности увернуться, целовал долго и жестко, прощаясь и прощая, надеясь и не надеясь на ее ответное чувство.

Катюша стояла молча и неподвижно, охваченная противоречиями, испуганная его напором и собственной ответной нежностью, что поднималась из глубины души, так жаждущей любви и понимания.

– Нам пора, – наконец выдохнула она, слегка оттолкнув Юрия.

– Как скажешь, – потухшим голосом ответил он, убирая руки в карманы, чувствуя опустошенность и усталость, как после длительной пробежки.

Она быстро направилась к машине. Он поспешил за ней, в голове вертелась только одна мысль, что у него осталось совсем мало времени.

«...Что-то не так я делаю, тороплюсь, наверное», – Юра попытался снова обнять ее.

– Ты улетишь завтра?

– Я улечу завтра, – как можно тверже ответила Катя, стараясь не расплакаться.

Вечером Катерина простилась с морем под мерное плескание волн в компании Владимира Павловича. Утро встре-

тило их неприятным сюрпризом – сильнейший туман окутал все побережье, и Катерина сожалела, что не уехала накануне вечером. Но под напором южного солнца неприятное марево постепенно начало рассеиваться. А когда они отправились в аэропорт, дорога была уже достаточно различима, хотя в низинах еще лежала плотная дымка, и там приходилось ехать очень медленно.

По нервному молчанию водителя, Катя поняла, что не следует просить ускорить движение. Серпантин мокрой горной дороги не позволял ехать быстрее, а они опаздывали. Они жутко опаздывали на ее рейс. Когда дорога уже казалась ясной и свободной, Юра, внемля просьбам спутницы, прибавил всё-таки газу, и они едва не угодили в глубокий кювет. Машину внезапно резко повело в сторону.

Все в это утро складывалось не в пользу Катерины – и этот мерзкий туман, и скверное настроение, и неожиданные пробки на дороге, а в довершение всего, глупый примитивный прокол колеса.

Когда они добрались, наконец, до аэропорта, было уже поздно что-либо предпринимать – они безнадежно опоздали, во всяком случае, на этот рейс. На стойке регистрации им лишь махнули рукой в сторону летного поля, где нужный самолет стремительно набирал высоту.

– Не расстраивайся ты так, улетишь следующим рейсом, – успокаивал ее Юрий, пытаясь оставаться сдержанным, не давая воли своим чувствам.

Все было сказано вчера. Все обещания, сожаления и надежды – все осталось во вчерашнем времени. А сегодня при ярком свете дня лишь этот поднимающийся ввысь самолет и слезы досады в глазах любимой.

– Да, конечно, – Катерина медленно повернулась к нему, стараясь не сорваться на обвинительный тон.

Она пыталась поймать его взгляд, чтобы сказать, что ни в чем никого не винит, прекрасно сознавая невозможность приехать быстрее по такой опасной дороге. Но молодой человек не переводил взгляд, продолжая внимательно смотреть в небо.

– Не может быть, – только и смог выдохнуть Юрий, резко поворачивая девушку в сторону летного поля.

Там, на границе видимого горизонта, в смертельном пике, рассыпаясь на части, падал их самолет.

– Вот так иногда внезапно может кончиться жизнь, – крепко сжимая ее в объятиях, выдохнул Юрий, – твоя жизнь. Ты понимаешь это? Это ты могла быть сейчас там. Ты – там, а я – здесь.

Он замотал головой, будто стряхивая остатки дурного сна, крепче прижимая девушку к себе.

– А я? А как же тогда я? – Юрий смотрел на нее с такой болью, что до Катерины, наконец, начал доходить весь ужас происходящего.

Им ничего не оставалось, как вернуться обратно. Все

рейсы отменили до выяснения причины крушения, и никто не мог сказать, когда это выяснение произойдет. Люди в спешке покидали аэропорт, не в силах до конца осознавать последствия катастрофы.

Так Катя снова оказалась в доме Самойловых. Подавленная тем, какой трагедии избежала, девушка все никак не могла прийти в себя. Оставив гостью на попечение деда, Юра уехал в город, чувствуя, что девушке необходимо время для того, чтобы снова обрести душевное равновесие. Все, что он хотел ей сказать, было уже сказано, что предлагал, было отвергнуто.

Он не стал больше пытаться достучаться до ее сердца, понимая, что просто необходимо немного остановиться. Переждать хотя бы чуть-чуть, совсем немного, чтобы сейчас, именно сейчас, Катя осознала, наконец, что жизнь не прервалась. Она, возможно, круто изменилась в тот ужасный миг падения самолета, резко подчеркнув свою хрупкость, свою сиюминутность пребывания на земле. Но для них она продолжалась.

Коротая грустный вечер с расстроенной Катюшей, Владимир Павлович, очень переживающий за судьбу внука, решил на откровенный разговор.

– Для меня жизнь уже кончается. Ни о чем не жалею кроме одного – того, что вот один доживаю свой век. Дети, внуки – это хорошо. Но нет рядом самого близкого человека. Когда-то проглядел, мимо прошел, отпустил, не настоял. Не по-

няли друг друга, а надо было, просто необходимо было это сделать, – Владимир Павлович говорил очень тихо, опасаясь слишком расшевелить свои глубоко запрятанные переживания.

Катерина с замиранием сердца слушала профессора, чувствуя его внутренне напряжение, сознавая при этом, что облегчить такую душевную боль невозможно. Хоть и говорят, что время лечит, только трудно вычеркнуть из памяти сердечные воспоминания. Время только замечает их нарастающим багажом событий, упрятав глубже, чтобы не мешали жить сегодняшним днем, освобождая человека для новых переживаний. До тех пор, пока жизнь протекает в привычном русле.

– В юности все мы мечтаем о настоящем чувстве, ждем, ищем, гоняемся порой за призраками. А она, твоя вторая половинка, возможно, находится рядом, надо только дать свободу своему сердцу, прислушаться к нему, довериться, поверить, – уже более спокойно продолжал старик, внимательно глядя на Катю, будто сомневаясь, слышит ли она его.

– Ты, милая, не торопись, задержись немного, оглядись. Быть может и не надо возвращаться туда, где все шло по плану, выверено, привычно. По-домашнему тепло, но слишком предсказуемо. А может, все же надо рискнуть и прислушаться к судьбе, что такой знак дала. Можно сказать, вторую жизнь подарила. Подумай, Катюша, не спеши. А сейчас, извини, дорогая, но я должен оставить тебя. Твоя подруга ско-

ро придет, так что дом остается в полном вашем распоряжении. Нам с Юрой необходимо быть в клинике. Сама понимаешь, какие дела, – он хотел еще что-то добавить, но лишь досадливо махнул рукой.

Хозяин покинул веранду, оставив гостью в раздумье и полном смятении чувств.

«... Ах! Если б можно было бы еще разобраться в своей душе до конца, понять ее, почему так ноет иногда, отчего поет-ликует, или бунтовать начинает, чего требует», – размышляла Катерина, чувствуя, как снова ее начинает охватывать тихий ужас увиденной катастрофы.

«На воздух надо, на море, где простор и ширь, где смогу, наконец, вздохнуть полной грудью», – решила она, не в силах более находиться одна в пустоте большого дома.

Но на море так и не попала, сильно штормило. Когда приехала Люба, зарядил дождь, обещая затянувшееся ненастье, будто сама природа скорбела по погибшим. На следующий день девушки вернулись в свой городок, находившийся под впечатлением недавней авиакатастрофы, в которой никто не выжил.

Самойловы были заняты в клинике, Люба вышла на работу. Погода успокоилась, южное лето снова властно вступило в свои права.

Вечером, сидя на берегу притихшей реки, Катюша пыталась разобраться в своих чувствах. Хорошо, что рядом

не было Юрия, который своей нежной близостью выбивал ее из привычной колеи, заставляя сердце биться в незнакомом бешеном ритме непонятных желаний.

Как он успокаивал ее там, в суматохе повергнутого в шок аэропорта, как пытался привести в чувство, согревая собой, возвращая к действительности нежной заботой.

– Сама судьба за меня, за то, чтобы ты осталась здесь, со мной. Неужели ты не понимаешь? – убеждал ее Юрий, пытаясь вывести из оцепенения.

«...Конечно, это он спас меня. И не только там, на реке, но и на этой скользкой, горной дороге. Ехали бы быстрее, вот и приехала бы. Куда? В морг? – девушка нервно поежилась от мрачных переживаний. – Но для чего я тут? Разве здесь мой дом? Что же так сильно могло ее удерживать здесь, вдали от родных мест, давая волю новому неизведанному чувству, такому захватывающему своей бездумной страстью, какой она не испытывала прежде? А как же Алексей?»

Теплые воспоминания о доме нахлынули на Катюшу, обволакивая туманом прежней беспечной жизни. Ведь там тоже ее любили.

«...Нет, почему же любили? Любят, ждут», – она была уверена в этом.

Что-то до боли знакомое, родное поднималось из глубины самосознания, не отпуская сердце, заставляя вновь и вновь вспоминать его – Алексея Мелехова, такого далекого, такого близкого.

Она вспоминала его глаза, голос, руки. Нежное тепло, подзабытое в суете последних дней постепенно заполняло ее прежним ощущением первой любви.

Алексей Мелехов очень надеялся закончить командировку раньше намеченного срока, но не получилось. Непредвиденные обстоятельства вынуждали его задержаться. Невозможно было прервать работу, не дождавшись результатов начатого опыта. А ему так хотелось все бросить – эти раскаленные пески, безжизненные хмурые скалы и безоблачное белесое небо, такие равнодушные к человеку, такие безжалостные к нему. Сердце рвалось домой, душа устала от одиночества.

Заканчивался еще один день вдали от родного дома. Алексей привычно коротал вечер на берегу высохшего русла древней реки, тесно зажатой отвесными скалами. И не было оголенным камням никакого дела до его переживаний.

Ничто не предвещало беды. Но в недрах земли потревоженные глыбы уже начали непредвиденное опасное движение, пропуская раскаленную лаву, готовую в любой момент выплеснуться наверх, заполняя безжалостным огнем узкое горное ущелье. Бедствие надвигалось туда, где люди завершали свой эксперимент, не предвидя всех его последствий. Время безжалостно зачеркивало мгновения суетной жизни.

Нежная грусть Катюши, тоска одинокого Алексея. Как

тонка грань между жизнью и небытием, как раним человек, как бессилён порой перед обстоятельствами.

До сих пор, несмотря ни на что, их продолжало связывать одно сердечное единение чувств. Но сейчас, как никогда раньше, молодых людей разделяло огромное пространство, жестокое в своей непредсказуемости.

И все же! И все же, их обоих с нетерпением ждала дорога домой. Однако каждому предстояло одолеть свой путь.

А пока у реки любви они сидели на разных берегах, и лишь одной судьбе было известно, когда они встретятся.

И раз, и два, и три

И раз, и два, и три – ясный размеренный счет слышал Вадим постоянно по утрам, выходя из дома, и почти каждый вечер, возвращаясь с работы. На первом этаже здания ютился небольшой спортзал, где с местными ребяташками, проявляя бесплатный энтузиазм, занималась его соседка Ольга Петровна. Заботливый муж ее господин Караевский недавно приобрел данное помещение, чтобы хоть чем-то занять свою энергичную супругу.

Их дочь Ната училась в экономическом университете и в настоящее время проходила практику в том же банке, где вот уже несколько лет Вадим успешно делал карьеру. Молодой человек начал работать в преуспевающей фирме сразу после годичной стажировки за границей, куда попал, как самый успешный выпускник академии.

Одним из учредителей банка являлся господин Караевский, но никто не смог бы обвинить парня в получении протекции со стороны отца Наты, поскольку Караевские скупили несколько квартир в их доме после отъезда Вадима на стажировку. Сближению семей обязаны они были исключительно своим энергичным мамашам, у которых обнаружилось много тем для дружеского общения. И как-то так получилось, что все стали считать Нату его девушкой.

И раз, и два, и три – звонко разносилась команда по зали-

тому утренним солнцем дворику. На улице весна, и от пьянящего свежего еще прохладного с утра воздуха хотелось бежать вприпрыжку и улыбаться без причины, просто так – от беспечного состояния души. Вадим давно отказался от поездок на машине, если дела были связаны только с центральным офисом. В последние годы из-за автомобильных пробок стало невозможно свободно проехать по основным улицам с раннего утра до позднего вечера. Вот и сегодня на работу он добирался пешком, собираясь легкомысленно прокозлить вверх внушительную каменную лестницу, ведущую в городской парк, окружающий старинный купеческий особняк.

Молодой человек запрокинул голову, чтобы снизу полюбоваться, как сквозь завитушки легких облаков солнечные лучи отражались от крестов церквушки, стоящей наверху в самом центре парка. Скорее всего, только благодаря архитектурной старине и удалось сохраниться чудесному тихому уголку. Каждый раз перед подъемом Вадим сначала с удовольствием разглядывал верхнюю террасу, обычно вселяющую в него какое-то особенное состояние легкости и уверенности, что все у него сегодня получится, все у него сложится хорошо. Уходили тревоги и сомнения, отпускала головная боль или то муторное состояние, которое он испытывал иногда после бурно проведенного накануне вечера в компании давних друзей.

От увиденной сегодня наверху картины Вадим замер,

не в силах сделать очередной шаг. Ему вдруг почудилось, что все вокруг стало замедленным, как кадры в кино. По лестнице навстречу спускались двое – женщина средних лет и девочка-подросток. Они мило держались за руки и очень осторожно шагали по истертым камням старого спуска. Девочка заботливо поддерживала женщину, а над их головами сверкали залитые солнцем купола лазоревой церкви. Неожиданно тонко зазвенели колокола, девушка подняла голову, стараясь разглядеть звонницу, и у Вадима перехватило дыхание – таким чистым и прекрасным показалось ему девичье лицо. Слегка вьющиеся волосы были забраны в хитросплетенную косу, поднятую к затылку так, что открывали нежную шейку полуробенка-полуженщины.

Вадим медленно продолжал подниматься по лестнице, не отрывая глаз от девушки, пока почти не поравнялся с ней. Когда они оказались на одной прямой, женщина, почувствовав пристальное внимание молодого человека, быстро перехватила руку девочки и вопросительно взглянула на него. Вадим тоже перевел взгляд на женщину и сразу догадался, что это мать девочки. Те же мягкие черты лица, то же выражение глаз – безмерно спокойное, уверенное, какое обычно бывает у людей счастливых с чистыми помыслами, когда никому и ничему не завидуют, а живут и радуются тому, что живут. Вот только глаза у мамы светились голубизной, как весеннее небо, а у дочери напротив карие глаза в обрамлении густых ресниц казались бездонно темными.

Молодой человек остановился, непроизвольно подняв руку для приветствия и не находя слов, чтобы его высказать, но мудрая дама тотчас все поняла. «Ты надолго запомнишь нашу встречу» – подумала она и спокойно продолжила спуск. Мать прекрасно знала, что дочь унаследовала от нее то обаяние, которое и являлось главным притягательным свойством настоящей женщины. Не длинные ноги и неземная глянцевая красота, а именно это внутреннее свечение глаз, эта аура добра и понимания притягивала всегда мужчин к ней самой. Оставалось только научить дочку уметь вовремя закрываться, поскольку личное обаяние порой делало человека абсолютно незащищенным от людского зла, зависти и предательства. Отдавая тепло души и сострадание сердца, сама она могла оказаться обессиленной подлостью и обманом, быть преданной самым неожиданным образом.

А милая девочка и не заметила ничего. В пятнадцать лет мужчины после двадцати пяти кажутся старыми, не заслуживающими их юного внимания. То ли дело – одноклассники, однокурсники. Они веселы, подвижны, остроумны и беспечны так же, как и сами девчонки. Со сверстниками легко общаться и отношения с ними, как правило, ни к чему не обязывают.

Привычный ритм трудового дня захватил, закружил своими проблемами, совсем не оставляя времени на лирические эмоции. И только вечером, когда Вадим торопливо собирался на встречу с Натой, завертелось в голове что-то беспокой-

ное, тревожащее, никак не давая расслабиться, отключиться от дневных проблем. Пока не всплыла в памяти утренняя картинка спускающейся по лестнице пары – очаровательной девочки, недостижимой в своей юности, и строгой умудренной женщины, которая одним мимолетным взглядом тотчас дала понять, что прекрасно заметила ошеломляющее впечатление, которое произвела не него дочь. Завязывая галстук перед зеркалом, Вадим так четко вспомнил встреченную пару, будто не себя, а их увидел в зеркальном отражении. Пришлось ополоснуть лицо холодной водой для того, чтобы прогнать внезапное наваждение.

Прошло три года. В жизни Вадима мало, что изменилось за это время. Та же работа, только еще больше, еще интенсивнее. Те же звуки командного счета из спортивного зала по утрам и вечерам, если возвращаться не очень поздно. И раз, и два, и три. Лето в этом году выдалось неприветливое – дождливое, прохладное. И только в августе каждодневные дожди прекратились, хотя на тепло уже надеяться не приходилось. Из-за холодных ночей праздновать день рождения Вадима на природу не поехали. Да и приобретенный статус состоявшегося делового человека вроде как требовал более солидного мероприятия для оценки двадцати восьми молодых лет. Но вот торжество в престижном ресторане закончилось, родителей отправили по домам, а молодежь решила воспользоваться хорошей погодой и прогулять-

ся по вечернему городу.

Вадим медленно вышагивал, обнимая Нату, довольный проведенным банкетом, прижимающейся к нему красивой девушкой и беспечно веселящимися закадычными друзьями. В который раз за этот вечер они поздравляли приятеля с днем рождения и главным подарком от фирмы – внушительным вознаграждением за его новый проект. Заодно и Нату поздравляли с получением диплома, намекая при этом, что хотелось бы послушать об их дальнейших планах на совместную жизнь. Вадим догадывался, что еще немного выпивки и друзья начнут кричать им «горько».

Размышления по поводу женитьбы, о которой сегодня за праздничным столом намекали родители, настолько вдруг отрезвили Вадима, что он остановился и внимательно посмотрел на свою подругу. Красива, хороша – ничего не скажешь! Его любит, или, по крайней мере, говорит, что любит. А он? С ней хорошо, удобно. А как же сердце, которое должно учащенно биться от одного только воспоминания о ней? А как же дыхание, которое должно перехватывать от мимолетного прикосновения к ней?

Веселой ватагой дружная братия вышла на набережную и направилась к ближайшей беседке. Захотелось укрыться от поднявшегося ветра, но беседка оказалась занятой – на обеих лавочках, расположенных напротив друг друга, примостились девушки лет восемнадцати. Барышня с темными волосами, уложенными в замысловатую косу, о чем-

то оживленно рассказывала, а подружки весело реагировали на ее реплики, громко смеясь и по-детски болтая ногами. Между лавками растеклась большая лужа, и девчушки примостились поудобнее – так, чтобы ноги не касались мокрого асфальта.

От неожиданного появления незнакомой взрослой компании девчата замолкли, а бойкая рассказчица даже прикрыла рот рукой и уставила на Вадима свои черные очи, будто только что раскрывала подружкам самую сокровенную тайну, а он – чужак мог ее подслушать. Немая сцена длилась несколько секунд. Вадим и сам не понял, как у него вырвалась глупая банальная фраза: «Посмотрела, как рублем одарила». Сидевшая ближе всех девушка, видимо из той породы бойких непосед, которые за словом в карман не полезут, тут же послала ему ответный пас: «А что своих – то рублей нет?»

И тут то ли выпитое за вечер ударило в голову, то ли воспоминание из прошлого, какое-то смутное волнующее, вот с такими же волшебными темными глазами, с таким же чистым внимательным взглядом, вдруг заставило его совершить поступок такой мальчишеский, такой легкомысленный и глупый, что забыть о нем он не сможет никогда. У него нет рубля? Вадим резко выдернул из нагрудного кармана пиджака пачку денег, и банкноты веером как опавшие листья с дерева легли поверх лужи прямо под ноги девушек. Подсвеченные фонарями доллары мирно плавали в воде, где от-

ражалось ночное небо и дешевые девчоночьи кроссовки. Все ошеломленно молчали.

Всякий раз, вспоминая о своей идиотской бравате, Вадим будет краснеть до кончиков ушей, до болезненного шума в голове, до потемнения в глазах – и не знать, что сделать – рассмеяться или заплакать от избытка чувств, переполняющих его при воспоминании того все понимающего, обволакивающего теплом и лаской девичьего взгляда. Мол, я понимаю, ты не хотел обидеть, ты вообще не хотел ничего плохого, но так вышло – глупо и пошло. Я все понимаю и потому уйду первой, а ты остаешься.

Девчонки удалялись, взявшись за руки и пересмеиваясь. Ни одна из них ни разу так и не оглянулась. Вадим все смотрел и смотрел им вслед, не понимая, как он мог так поступить. Зачем? Ведь он ее узнал. Сразу узнал. Эта та же девочка, которую он встретил несколько лет назад на лестнице старого парка. Она хоть и подросла, но все равно оставалась очень юной особой. Это он стал еще взрослее. Так что на него нашло, что за дурацкое мальчишество?

В сейчас его вернул громкий смех приятеля, который гоготал, держась за живот, и все спрашивал, что накатило на Вадима. Неужели он решил, что они встретили ночных бабочек, и захотел купить их всех оптом? Разве не разглядел, что это простые девчонки – соплячки, только напугал деток. А если бы они не ушли, а продолжали бы сидеть, просто так, из вредности? Как бы стал он собирать свои баксы?

А? Или бы так и оставил денежки в луже плавать? Да, тактичные девчонки попались, не стали смущать взрослых дядечек своим присутствием. И продолжая хихикать, друзья принялись вылавливать из воды мокрые банкноты.

На душе Вадима стало до того муторно и пакостно, будто на самом деле ударил девушку. Хотя в своей жизни он ни разу даже мысленно не поднимал руку на женщину, да и вообще не помнил, когда напрасно обижал кого-либо. Ната продолжала прижиматься к нему, ища защиты от холодного ветра, и тихое сочувствие подруги постепенно привело Вадима в относительное равновесие.

Зима долго раскачивалась, набирала силу и, наконец, показала себя во всей своей красе в самом конце декабря. Морозы ударили за двадцать, и каждую ночь город накрывал обильный снегопад. Улицы едва успевали расчищать. К новогоднему празднику город выглядел особенно нарядным – весь белый, еще не припорошенный городским мусором. Дни стояли морозные солнечные. Снег пока не успел покрыться грязным налетом от городского смога и днем искрился на солнце, а вечерами волшебным мерцал в свете праздничных витрин и разноцветных гирлянд, развешенных на голых ветвях деревьев возле престижных магазинов и кафе.

То ли от предвкушения новогоднего торжества, которое Вадим любил больше всех остальных праздников еще с дет-

ства, то ли от успешного завершения трудового года у него сегодня с самого утра было великолепное настроение. 30-е декабря! Завтра утром прилетала из командировки Ната, а вечером, как водится, зашумит праздничное семейное застолье и, скорее всего, они, наконец, разберутся в своих взаимоотношениях.

Вадим догадывался, что подруга давно ждала от него официального предложения. Уже несколько лет они были очень близки, но, будучи вполне самостоятельными людьми, продолжали оставаться каждый в своем доме. Он знал, что прежде и ее устраивал такой образ жизни. Но в последнее время что-то изменилось в их отношениях. Возможно, сказывалось то, что в кругу своих друзей она одна осталась, не связанная официальными узами. Сверстницы вдруг поголовно стали заводить детишек, и Вадим иногда подмечал задумчивый взгляд Наты, который она бросала на их милых чад.

Он и сам чувствовал, что нужно определяться. В тридцать лет вроде бы можно и войти в статус законного супруга. И жизнь сразу станет предсказуемой, без сюрпризов, как на занятиях у госпожи Караевской. Каждый день по счету – и раз, и два, и три! Завтра. Ната прилетала завтра. А сегодня на работе они с коллегами классно отметили проводы старого года, а потому домой Вадим возвращался пешком.

Оказалось, что уже не просто поздно, а очень поздно, так поздно, что на улицах было абсолютно пусто. Пусто и жутко

холодно. Впрочем, идти ему было не так уж далеко, а полчаса на морозном воздухе показались даже приятными, хорошо освежали голову так, что вскоре хмель окончательно выветрился, и глаза вполне осмысленно стали воспринимать окружающий мир. Начиналась очередная снежная метель, было непривычно идти по ярко освещенным совершенно безлюдным улицам.

Неожиданно за поворотом на очередной трамвайной остановке Вадим заметил одинокую фигурку. Интересно, кто это в таком оптимизме в первом часу ночи надеялся дождаться трамвая? Он подошел ближе. Девчонка! Пигалица пыталась укрыться от ледяного ветра за телефонную будку, кутаясь в небольшой воротник коротенькой шубки. По скукоженной фигурке было видно, как сильно замерзла девушка. Да, откуда ж она тут взялась так поздно? Вадим сегодня пребывал в слишком хорошем настроении, чтобы пройти мимо такого беспомощного одиночества. Он сразу догадался, что мерзнувший человечек нуждался в помощи. Уж очень неуютно смотрелась одинокая барышня на безлюдном проспекте.

Девушка находилась в отчаянии от холода и тщетного ожидания транспорта. Внезапно выскочивший из метели заснеженный мужчина заставил ее вздрогнуть от неожиданности, но появление человека на пустой остановке все же было лучше, чем полное одиночество. На его вопрос: «Неужели вы надеетесь дождаться здесь трамвая в столь поздний час?» юная особа доверчиво вскинула на него глаза в заиндеве-

ших ресницах и неожиданно быстро заговорила.

Протараторила, что задержалась с подружкой на последнем сеансе в кино, где вышла непредвиденная заминка с показом, а так хотелось досмотреть фильм до конца. Она надеялась, что успеет на метро, но не успела. И вот сейчас ждала трамвай и не знала, что делать, если он так и не придет. А пешком идти домой далеко и страшно, потому как в районе, где она жила, такого хорошего освещения как здесь в центре нет.

– Там вообще никакого света нет, – добавила девушка после небольшой заминки, и снова устремила на него доверчивый взгляд.

Вадим вспомнил, как все знакомые дамы восторгались упомянутым фильмом про сумасшедшую любовь. Ну конечно, как же не досмотреть картину до счастливого финала после двух часов сопливых переживаний. Сам он давно старался не ходить на подобные премьеры. Ната обычно смотрела слезливые мелодрамы в чисто женской компании. Милая незнакомка говорила и говорила, освобождаясь от страха, который давно начал захватывать ее сильнее, чем усиливающийся мороз. Даже ни одной автомашины не проехало мимо за все время, пока она металась на остановке.

И раз, и два, и три. А ведь это она! Опять она! Та, что с мамой на лестнице вниз. Та, что летом возле набережной на лавочке над лужей в цветных банкнотах. И раз, и два, вот тебе и три! Девочка говорила, а он ее вспоминал. Вернее вспоми-

нал себя, вспоминал то, что появлялось внутри него всякий раз, когда он встречал ее, непонятную, странную, с такими удивительными волнующими глазами.

– Как тебя зовут? – спросил Вадим, слегка коснувшись девичьих рук, крепко сжатых в промерзших варежках.

От его простого вопроса девочка внезапно замолчала и изумленно уставилась на него, будто он спросил о чем-то очень неприличном.

– Анна, Аня, – как-то трудно, то ли от неожиданности вопроса, то ли от холода очень тихо ответила девушка. А глаза, казалось, добавляли, – Ну, помогите, помогите же мне.

– Анна, Аня, сейчас здесь ждать что-либо абсолютно бесполезно. Я живу совсем недалеко и можно пойти ко мне отогреться, дождаться утра, – предложил Вадим самый простой на его взгляд вариант выхода из возникшей ситуации.

Девчонка отклонилась от него в таком испуге, что он сразу понял – не пойдет, ни за что, никогда. Все правильно. Он заговорил с ней, как с взрослой женщиной. А сколько ей интересно? Лет восемнадцать, от силы двадцать. Полнейший наив.

– Меня зовут Вадим. Да, не бойся ты так, сейчас что-нибудь придумаю. Куда тебе ехать? – поторопился он успокоить глупышку.

Девушка назвала дальний заводской район. Да, поймать сейчас машину, да еще уговорить, чтобы повезла туда – большая проблема. Он проверил карманы. Ага, деньги есть.

– Аня, стой здесь и никуда не уходи. Я обязательно вернусь. Дай мне минут десять.

Она молча кивнула. Вадим видел, что девушка успокоилась, доверилась ему. Конечно, он такой взрослый, он обязательно поможет. Мужчина быстро побежал назад. Он знал, что возле ресторана сможет поймать машину, ну а хорошие деньги сделают свое дело. Ему повезло – сразу за углом остановилось одинокое такси, хотя было уже занято. Свободным оставалось только одно место. Вадим усмехнулся – что ж, так распорядилась судьба, обстоятельства снова против него! А он так хотел ее проводить. Водитель подвез его к остановке. Одинокая фигурка продолжала ежиться на морозном ветру. Ждала. Вадим выскочил из машины и, придерживая дверцу, помахал барышне рукой.

– Как мало надо тебе для счастья, – подумал он, подсаживая Аню в такси.

А девушка на самом деле была счастлива хотя бы оттого, что кончился, наконец, холодный ужас пустого ожидания на безлюдной остановке. Как хорошо будет ехать домой в теплой машине. И как ее угораздило, так вляпаться? Как маленькая оказалась беспомощной, застряла в центре города. Повезло, что подошедший дяденька проявил к ней участие.

Да и не дядька он, а совсем даже молодой человек. Хотя и был он навеселе, но не привязывался, а напротив, проявил себя таким добрым и предприимчивым. Вот только зачем он

сказал, что живет рядом – лишь напугал ее своим предложением. А если бы мужчина не поймал такси, что тогда? А ничего тогда... Она все равно бы с ним никуда не пошла. Ни за что не пошла бы. Но как ни странно почему-то сразу доверилась ему, почувствовала, что не оставит он ее в одиночестве мерзнуть на холодном ветру.

– Аня, скажи свой телефон, я хочу убедиться, что с тобой все в порядке, – попросил Вадим, помогая девушке садиться в машину.

– У меня нет телефона, – без тени сожаления ответила она, уклоняясь от сильного порыва ветра.

– Да, что ж это за детство такое – неужели я опять в пролете, опять мимо? – и не давая закрыться дверце машины, Вадим принялся лихорадочно шарить по карманам, пытаясь найти свою визитку. Есть! Вытащил он из кармана рубашки серебристый кусочек картона.

– Пожалуйста, позвони мне завтра, очень тебя прошу, – прокричал Вадим, вкладывая визитку девушке в обледенелую варешку.

Дверца захлопнулась, и такси исчезло в снежных завихрениях усиливающейся метели. Вадим произвольно шагнул вслед, но машина быстро скрылась за поворотом. На снегу в свете праздничной иллюминации блестела его визитка. Девушка и не заметила, как она выскользнула из ее замершей руки. Ей было не до прощальных церемоний – наконец все утряслось, и она ехала домой.

Вадим поднял из снега ставший ненужным кусочек картона. Значит, не позвонит. Настроение испортилось окончательно. А чего собственно он ожидал? Но эта случайная в своей закономерности третья встреча перевернула что-то внутри так, что заняло сердце и не отпускало еще долго, долго.

Зима прошла, и весна отзвенела первоцветом и майскими грозами, в свои права вступало долгожданное лето. Как все-таки здорово, когда тепло, когда впереди беззаботный отпуск, рядом закадычные друзья и они сейчас развеселой гурьбой устремятся по своим тачкам и двинут на дачу, где устроят классный мальчишник – через неделю Вадим женится. И не только он один, а заодно с ним и два его друга. Так уж подгадали – пропадать так всем вместе. Тройная свадьба, как тройной одеколон. А почему собственно одеколон? А просто другого сочетания они к слову «тройной» не смогли подобрать.

На трамвайной остановке как всегда в ожидании транспорта толпились люди. Знакомое место. Вадиму вспомнилась морозная предновогодняя полночь. И где же ты сейчас Анна, Аня? Смешная красивая нежная девочка. А девочка опять была здесь. И раз, и два, и три. Да нет, уже четыре – перебор? Вадим глазам своим не верил. Но это все-таки была она. Опять она! Правда, на этот раз стояла не на самом пяточке остановки, а чуть поодаль в тени телефонной буд-

ки. И, похоже, девушка не собиралась уезжать, а наоборот, ждала кого-то. Вот глазами проводила один ушедший трамвай, другой, третий. Заметно было, как очень беспокоилась, нервничала.

– Свидание у нее, что ли? Тогда, что за свинство. Почему собственно она ждет, а не ее? – размышлял Вадим, оставший от шумных приятелей и незаметно наблюдающий за Аней.

У него внезапно возникло ощущение, что во всем мире не стало никого, кроме него и одинокой грустной девушки. Как-то смолкло все кругом, исчезли люди и машины – есть только он, только она. Молодой человек настолько остро почувствовал ее тоску, метание, ее одиночество, что ему тоже стало неуютно среди гудящей людской толпы.

Да что же это такое? Ну не просто ведь судьба за последний год вот уже третий раз сталкивала его с этой пигалицей, от одного взгляда которой у него перехватывало дыхание как от глотка морозного воздуха, и он ничего не замечал вокруг кроме нее. Он так остро реагировал на нее, так понимал ее состояние, будто знал Аню всю свою сознательную жизнь. Будто жили они всегда рядом, и он хорошо представлял, что она любила, а что ей не нравилось, чего хотелось в жизни девочке, о чем мечталось по ночам.

Но сейчас главным, самым главным для него было понимание того, что он любил ее, только ее одну. Любил с той самой первой встречи в старинном парке, когда увидел ее, та-

кую юную, на фоне безмятежного голубого неба. И он знал, он был абсолютно уверен, что сможет сделать ее счастливой.

Вадим решительно направился к телефонной будке, в которую в это время зашла девушка. Аня быстро набрала какой-то номер, было видно, что ответили ей сразу. Говорила она нервно, лихорадочно теребя в руках скомканный платочек, и не замечала подошедшего совсем близко Вадима. Телефонный разговор быстро закончился. Расстроенная девушка медленно вышла из будки. Внезапно поднялся сильный ветер, набежали тучи, наэлектризованный воздух предвещал грозу. Улица пришла в хаотичное движение. Люди спешили быстрее укрыться от непогоды. Шаловливый ветер взлохматил девушке волосы, приподнял слегка юбку и умчался дальше заигрывать с цветущей акацией.

И раз, и два, и три – нет, больше не упорхнешь, и ждать я больше не стану. А ведь это оказывается так просто, когда любишь. Когда прекрасно понимаешь, что на самом деле любишь. И не надо выяснять никаких отношений, устраивать разборки в этих самых отношениях. Вот она рядом и ты уверен, что необходим ей. Осталось только сделать так, чтобы и она это поняла.

– Не надо больше никого ждать. Разве можно простить такое опоздание. Пойдем со мной, родная!

Засмеявшись от переполнявшей его радости, подставив лицо под первые капли теплого дождя, он подхватил ее на руки и закружил в вальсе озорного ветра.

Когда болит сердце

Лето. В безмятежном детстве и наивной юности летняя пора обычно солнечно длинная и полная радостных моментов. Это потом, когда мы становимся взрослыми, мудрыми или считаем себя таковыми, летние месяцы начинают пролетать стремительно и чаще всего оказываются холодными и дождливыми.

Но пока длится пора юности – пора безоблачного тепла и смелых надежд. Жене скоро исполнится семнадцать. В разгаре солнечный июньский день. Экзамен в техникуме только послезавтра. На сегодня норма заученных билетов выполнена, и можно бездумно побродить по парку, посидеть на лавочке и помечтать. Местный парк привлекал своим простором и ухоженностью. Когда строили огромный завод, часть леса по соседству оставили нетронутым. Позже поставили в нем качели, карусели, ларьки с пивом и мороженым. Отдыхать в старом парке местным жителям очень нравилось. Техникум, в котором училась девушка, находился рядом с зоной отдыха. Основным профилем ее учебного заведения было машиностроение. В этом году Женя успешно оканчивала предпоследний курс, но нравилась ли будущая специальность? Вопрос для нее до сих пор оставался без ответа.

А вот и любимая лавочка. Здесь, вдали от мест, оснащенных развлечениями, обычно разливалась приятная тишина.

Девушка раскрыла конспект лекций, но под радостное щебетанье птиц пропало всякое желание повторять надоевшие формулы. Издалека доносились звуки модной мелодии, хотелось закрыть глаза и помечтать о том, что скоро каникулы, и пришло заманчивое приглашение на производственную практику. Они с подругой решили поехать в небольшой городок под Харьковом. Женя никогда еще не уезжала из дома так далеко. Родной город окружали старые Уральские горы, которые в студенческих турпоходах всегда давили на нее своим суровым видом. Хотелось раздвинуть замшелые скалы, вырваться на простор. За городом даже в разгар лета вода в многочисленных речках и мелких озерах оставалась холодной. Только шустрая ребятня, да подвыпившие мужики отваживались окунаться в местные водоемы.

Внезапно рядом что-то негромко хрустнуло. Женя уловила незнакомый запах и открыла глаза. Перед ней стоял молодой человек, непривычно для летнего сезона одетый в строгий темный костюм и белую рубашку с узким галстуком. Он смотрел прямо на нее с каким-то недоумением или легким замешательством, будто пребывание девушки в тихом уголке парка явилось для него полной неожиданностью.

– Можно мне на вашу лавочку? Здесь хорошо, тихо и можно спокойно послушать, как поют птицы.

Девушка молчала, не зная, что ответить. Парень казался таким взрослым. Ей и в голову не приходило, что она могла его чем-то заинтересовать.

– Устал, наверное, – подумалось Жене. – Садитесь, – разрешила она, прекрасно зная по собственному опыту, как хочется иногда после напряженного и беспокойного дня уединиться в каком-нибудь тихом уголке.

– Спасибо, так хочется в тишине отдохнуть после смены, а везде шум, по аллеям гуляют с транзисторами. Не понимаю, зачем в лесном парке слушать радио?

– Интересно, где он работает в таком костюме? – размышляла в свою очередь девушка, – или уже успел переодеться. Зачем? Парк не театр.

Что-то в лице мужчины привлекало внимание своей необычностью. Черты лица крупные, приятные, волосы и брови очень густые и темные, но не до черноты, а глаза удивительно синие. И загар! Ах да, легкий южный загар. Вот что было странным для Урала в это время года.

– Меня зовут Петр. Я здесь в командировке уже почти год. Часто гуляю в этом парке, но вас здесь не видел ни разу.

– А я редко сюда захожу, – солгала Женя, не собираясь откровенничать с незнакомцем.

– Как вас зовут?

– Он что действительно хочет со мной познакомиться? – недоумевала она, – такой взрослый и выговор у него какой-то странный.

– Меня зовут Евгения. А откуда вы приехали? У вас такой необычный акцент, – не удержавшись от любопытства, спросила девушка.

– Я окончил институт у себя дома. Это почти Украина. Начал работать там же, а сейчас участвую в испытаниях нового оборудования на местном заводе.

Петр замолчал и снова внимательно на нее посмотрел. Он заметил девочку еще на входе в парк. Та шла медленно, о чем-то сосредоточенно думая, и казалось, все вокруг обитало само по себе, а она – внутри собственного мира. На первый взгляд девушка ничем не выделялась среди толпы – одежда скромно, без украшений, и только серебряный браслет часов мог задержать сторонний взгляд. Петр сразу оценил сверкнувший на солнце браслет – старинное немецкое серебро. Интересно, откуда у местной девочки к простым часикам такой браслет?

Его отец Илья Григорьевич слыл очень уважаемым человеком в своем городе. С войны вернулся он храбрым офицером с таким количеством, а главное качеством наград, что боевые заслуги быстро позволили ему занять высокое положение в обществе и обеспечить семье вполне комфортную и достойную жизнь. Сын получил хорошее образование, а супруга, несмотря на статус жены генерала, не желая оставаться просто домохозяйкой, закончила в свое время медицинский институт и в настоящее время работала известным в городе хирургом.

Но только в узком семейном кругу знали, что с войны отец Петра привез набор серебряных украшений. Коллекция принадлежала старинному роду Прикулей, которые до рево-

люции прижились на юге Чехии и являлись родственниками Ильи по линии матери. Связь эта никогда не афишировалась – не те времена были. Но поскольку мужчины рода Прикулей обычно выбирали военную карьеру, то ничего удивительного не было в том, что на дорогах войны встретились два бравых офицера – Илья Иванченко и Петро Прикуль. Тогда во время визита в поместье Прикулей и получил Илья наследственное серебро, которое давно было завещано в приданое его матери.

После окончания войны доблестному офицеру советских спецвойск не составило большого труда сохранить и привести драгоценную коллекцию домой. До сих пор связь с заграничной родней Иванченко активно поддерживали, хотя, конечно, открыто об этом в доме не афишировалось.

Так уж вышло, что Петр в семье оказался единственным ребенком. Родители воспитали его интеллигентным, но отнюдь не хрупким мальчиком. В свои двадцать пять лет парень хорошо представлял, чего бы хотел добиться в жизни. А потому, когда мать стала вдруг усиленно знакомить его со знатными невестами города, сын впервые в жизни «взбрыкнул» и неожиданно уехал в длительную командировку на Урал. Пока девушки волновали Петра по схеме два – три раза в неделю и не более того. До сих пор ему и в голову не приходило, чтобы связать себя узами законного брака. Молодых женщин, которые и так не обделяли бравого парня своим вниманием, вокруг так много, а свободная мужская

жизнь только одна.

И вдруг сегодня в его парке появилась эта странная девчонка с отрешенным взглядом и старинным браслетом. Она сидела сейчас так близко, что он явственно ощущал ее легкий цветочный аромат. Но смотрела девочка сквозь него, и он чувствовал, как совсем ей не интересен. Почему? Что спросить у нее, что рассказать? Он догадывался, что все его приемы обольщения, отработанные ранее на девушках, здесь не пройдут. Эта пигалица в нем принца явно не видела. А кого в ней увидел он? Почему так сильно защемило сердце, почему так тоскливо и одиноко? Да потому, неожиданно осознал Петр, что еще чуть-чуть, еще немного, и это удивительное существо оттолкнет его и упорхнет в свою юность, а он останется один на жесткой лавочке. И в своей взрослой жизни без нее он не будет счастлив никогда.

– Женя, вы живете в этом районе? – спросил Петр, лихо-радочно соображая, как заинтересовать девушку своей персоной.

– Да, – нехотя ответила неразговорчивая барышня.

Девочка, наконец, посмотрела на него, а не мимо. Его поразила странность ее глаз. Темно-серые с огромными зрачками в тени, сейчас, подсвеченные полуденным солнцем, они просто лучились голубизной.

– Да, такие серьезные глаза обычно не лгут и не прощают ложь, – произвольно отметил он про себя.

– А где вы здесь живете? – неожиданно спросила девушка.

– В Мадриде, так смешно зовут наше заводское общежитие, – быстро ответил Петр, обрадованный подсказанной темой для продолжения разговора.

– Да, знаю. Меня всегда так удивляло это название. Мы однажды были там с мамой у нашей знакомой, когда покупали мне платье на выпускной вечер, – и немного замявшись, Женя добавила, – после восьмого класса. Тогда нам помещение показалось очень тесным, внутри множество коридоров и везде так темно, неуютно, – Женя даже слегка поморщилась, вспоминая свой единственный визит в мрачное здание.

– А у меня в общежитии своя комната, и она довольно светлая. Пойдемте ко мне в гости. У нас дома уже поспела черешня, и мне родители прислали целую корзину. Она очень вкусная, такие ягоды здесь не продают.

Петр подумал, что уговаривает ее как маленького ребенка. А Женя в свою очередь смотрела на него и удивлялась – он, что совсем не понимал, с кем разговаривал? Неужели она выглядела такой душой, что ее можно открыто без церемоний зазывать к себе в общагу. И, вообще, что он устоял на нее. Она прекрасно знала, что никакой писаной красавицей не была, хотя и не уродина. И сердце ее было свободно, а впереди еще столько всего интересного, и этот взрослый дядя в ее будущее совсем не вписывался. И еще девушку очень беспокоил его взгляд, который тот иногда бросал на ее красивые часики.

Женя, не вполне представляя истинную ценность сереб-

ряного браслета, хорошо знала, что украшение старинное – то был материнский подарок дочери на шестнадцатилетие. А маме, в свою очередь, во время войны часы на затейливом браслете подарил знакомый военный, с которым они лечились в одном госпитале.

– Браслет что ли этому парню понравился? – уже потихоньку начала пугаться девушка. – А может это вообще бандит какой-нибудь, а я тут сижу с ним, разговариваю. Нет! Нет!

Женя обычно без труда ощущала настроение людей, окружающих ее, особенно, если от них исходила угроза. Природная интуиция уже не раз выручала ее из неприятных ситуаций. Вот и сейчас она была уверена, что сидящий рядом человек совсем не опасен, хотя и странен. Девушка никак не могла определить свое отношение к нему, но чувствовала, что просто так незнакомый парень не отстанет. Не желая далее поощрять его назойливое внимание, она решила, что лучше всего будет встать и уйти прямо сейчас.

– Мне пора, у меня скоро экзамен, надо готовиться, – девушка решительно направилась к выходу из парка.

– Я провожу вас.

Она не ответила. Он молча пошел рядом. Интересно, размышляла Женя, как далеко сегодняшнему спутнику хватит терпения идти за ней по старым улочкам. До ее дома отсюда более получаса ходьбы, и ничего интересного в этом не было. Обычно, если она продолжала стойко молчать, случай-

ных кавалеров хватало минут на двадцать, после чего вежливо откланявшись, они возвращались назад на центральные освещенные аллеи. Вот и теперь девушка решила не обращать внимания на провожатого, но было странно легко молча идти рядом с молодым человеком. От него исходили непривычная уверенность и спокойствие – как будто все в этой жизни ему было понятно, и все он в ней знал наперед. Жене вдруг стало страшно, что она всегда будет с ним и уже никого другого не будет рядом и ничего нового никогда не случится. Только этот взрослый мужчина в строгом костюме с непонятным пугающим выражением глаз.

Петр шел рядом с молчаливой девочкой и чувствовал, как она с каждым шагом удалялась от него все дальше и дальше. Ему очень хотелось остановить ее, прижать к себе и не отпускать в ее легкомысленный юный мир.

– А если это невозможно, тогда возьми меня с собой, – хотелось крикнуть ему.

Никогда еще у Петра не возникало такого сильного желания, как сейчас, подарить себя другому человеку – подарить себя всего целиком женщине, раствориться в ней без остатка. Но, как вполне взрослый человек, он в то же время сполна отдавал себе отчет в том, что рядом шла вовсе не его женщина, а юная девочка, почти ребенок, человечек, которому пока совершенно не нужен близкий мужчина. Скорее всего, верила она до сих пор в сказку о принце на белом коне, мечтала о романтической встрече. И девочке этой необходимы

красивые слова, яркие цветы и солнечные лучи, а не лунный свет на удобной постели.

– Знаете, мы уже почти пришли. Я не хочу, чтобы вы провожали меня дальше. Понимаете, дальше – территория парней с нашего двора, а мне совсем не хочется, чтобы кто-нибудь видел меня с вами.

Петр смотрел в ее серьезные глаза. Стального цвета в тени дерева с огромными зрачками они холодно отражали девичье равнодушие. Он не смог заинтересовать ее собой, ему не удалось хотя бы чуть-чуть задеть ее душу, а его сердце колотилось так, что казалось еще немного и из груди непроизвольно вырвется стон упускаемой надежды.

Неожиданно Петр взял ее руку и прижал к своей груди. Сквозь жесткую ткань накрахмаленной рубашки Женя почувствовала, как сильно бьется его сердце. Долго она будет помнить эти глухие удары, но только много позже, став взрослой женщиной, поймет, что мужское сердце отбивало ей тогда ритм начинающейся любви:

– Я рядом. Ты так мне нужна. Возьми меня с собой.

Но чтобы услышать зов любви, надо полюбить самой. А настоящая любовь, это все-таки взрослое чувство, и чтобы оно пришло, надо переболеть любовью легкомысленной, которая называется просто влюбленностью. Но Женя до сих пор даже не влюблялась. Вот и сейчас она только удивилась смятению, в которое привел ее неожиданный жест Петра, и окончательно решила, что пора расставаться.

– До свидания, мне пора, – сказала она, поспешно отдергивая руку.

– А когда оно будет наше новое свидание? – очень серьезно спросил Петр.

Женя посмотрела на него с удивлением. Стандартная фраза прощания, она и не думала о новом свидании с ним. Девушка продолжала молчать.

– Завтра в парке в семь часов вы сможете прийти к той же лавочке?

Девушка пожала плечами.

– Пожалуйста, я буду ждать вас, – продолжил парень, – Я обязательно буду вас ждать, – добавил он, пытаясь вложить в интонацию голоса всю силу своего желания увидеться с ней еще раз.

– До свидания, – тихо и как-то неуверенно повторила Женя.

Она пошла очень быстро, не сомневаясь, что парень за ней не последует, но все равно сделала ложный зигзаг через соседний двор, чтобы тот не заметил, куда на самом деле лежал ее путь. Через час, после ужина девушка уже забыла о своем новом знакомом. Пришла подружка, и они договорились на следующий вечер пойти в кино.

Петр сидел в своей комнате в глубокой задумчивости. На столе красовалось блюдо с черешней и лежало распечатанное письмо из родительского дома. Отец сообщал, что получил новое назначение с большим повышением. Мать была

очень этим довольна, каялась, что никогда больше не будет вмешиваться в личную жизнь сына, только умоляла его быстрее вернуться домой. Она писала, что узнала о возможном окончании командировки сына осенью, если он сам этого захочет. Отцу светила длительная работа за границей, и она очень хотела, чтобы сын поехал вместе с ним, поскольку ему требовался технический консультант как раз по той тематике, которой занимался Петр. Но все это обязательно нужно было обговорить и утрясти еще до Нового года. А если он протянет время, то мать грозилась сама приехать и силой утащить его с Урала. Шутила, конечно, но по всему чувствовалось, как родители соскучились по сыну.

Петр закончил читать письмо. Ему внезапно захотелось бросить все и уехать из опостылевшего чужого серого края, чтобы никогда больше не видеть вечно дымящие трубы и пьяных мужиков на пыльной траве газонов после очередной полочки. Но перед глазами снова встала залитая вечерним солнцем улица и удаляющаяся девичья фигурка с гордо поднятой головой, короткие русые волосы и старинный браслет на тонком запястье. Завтра он увидит Евгению. Петр улыбнулся, вспомнив, как представилась ему девочка, гордо назвав свое полное имя. Завтра он расскажет ей о своем желании увести ее осенью из этого холодного края к себе домой – туда, где почти всегда тепло.

А назавтра она не пришла. Она не придет. Он понял это сразу, но все равно весь вечер просидел на заветной лавочке.

Сидел и даже думать ни о чем не мог. В душе звенела тоскливая пустота одиночества, отдаваясь в голове тупой болью – болью потери, будто существовало в его жизни что-то заветное, светлое, чем он очень дорожил, и внезапно лишился этого навсегда. Потому так больно. Но он же пока не уехал. Он все еще здесь. А она здесь тем более. Ему просто надо найти ее, встретить еще раз. Она ходит где-то здесь, дышит где-то рядом. Не может быть, чтобы все так безнадежно, безвозвратно закончилось.

За студенческой суетой летний месяц пролетел незаметно. Женя успешно сдала все экзамены. До отъезда на практику оставалось несколько недель. Лето выдалось замечательным. По ночам шел дождь, а дни стояли теплыми и сухими. Однокашники все разъехались, кто домой, кто по турбазам. Женя скучала. В городе стояла духота, но в парк идти не хотелось. Сразу вспоминался странный парень с ярким загаром, и то, как он прижимал ее руку к своей груди, а сердце его билось, билось...

Каждый раз, когда девушка вспоминала об этом, и о том, что не пошла на свидание, у нее портилось настроение. Не потому, что сожалела об упущенной встрече, а скорее потому, что это воспоминание вызывало у нее чувство досадной потери. Как будто ей нежданно-негаданно подарили что-то необыкновенное, а она, еще не поняв ценности подарка, тут же его потеряла.

Тот день выдался особенно жарким. К вечеру жара схлынула, и Женя решила прогуляться до продуктового магазина на соседней улице. Привычный гастроном после ремонта внушительно сверкал современными витринами. Снаружи сквозь огромные окна хорошо были видны торговые прилавки, а изнутри магазина далеко просматривался центральный бульвар.

Они увидели друг друга одновременно – он снаружи смотрел на нее сквозь витрину, она заметила его, медленно продвигаясь в очереди. У него было время зайти в магазин и найти ее. То, что это была Женя, Петр не сомневался. Он узнал ее сразу, а вот девушка его поначалу не узнала. Молодой человек стоял в легкой рубашке с короткими рукавами и белых брюках, джинсах, как будут их называть спустя лет пять. Но пока здесь не знали этого слова. Модные брюки мать прислала ему в посылке вместе с черешней. В летнем прикиде Петр был неотразим. Девушки в общезнании прохода не давали видному парню. Он прекрасно знал, как нравился им, но не мог забыть девочку из парка. Каждый вечер после работы он кружил по соседним улицам в надежде встретить Женю. Вот и сегодня Петр медленно прогуливался, внимательно глядя по сторонам, и неожиданно увидел ее через стекло витрины в знакомом гастрономе.

А Женя просто заметила на улице модно одетого парня, и только, когда тот вплотную подошел к самой витрине и странно уставился на нее, она узнала в нем знакомо-

го из парка. С отбитым чеком уйти сразу не было никакой возможности, но парень не отходил от витрины, и девушка успокоилась. Она отоварила чек, сложила продукты в сумку и поспешила к выходу. Как всегда в это время магазин был полон народу.

– Интересно, – подумала Женя, – он меня узнал или мне показалось, что он смотрел именно на меня?

Непонятное ожидание малознакомого мужчины очень смутило девушку, и на всякий случай во избежание случайной встречи, она решила пройти через другой выход. После ремонта гастроном объединили с соседней булочной, и теперь через хлебный отдел можно было выйти на соседнюю улицу, что она и сделала. Старая тупиковая улочка в несколько небольших двухэтажных домиков заворачивала на основной бульвар. Девушка выскочила на свою улицу недалеко от главного входа в магазин и, не удержавшись от любопытства, обернулась. Парень, слегка раскачиваясь, по-прежнему стоял у входной двери, в его позе чувствовалось ожидание – одна нога на ступеньке, руки в карманах. В этот раз он показался ей очень красивым и уже не таким взрослым. Неужели он все-таки ждал ее? От такой настойчивости Жене стало не по себе. Она не готова была к серьезному знакомству.

Петр продолжал стоять на улице, решив, что надежнее встретить девушку на выходе, чем разыскивать среди толпившихся покупателей. На душе стало тревожно – он не был

уверен, что Женя его узнала. Вдруг что-то заставило его обернуться, и он увидел знакомую фигурку. Девочка стояла в конце переулка и удивленно смотрела в его сторону – до нее всего несколько минут ходьбы. Даже на расстоянии Петр чувствовал настороженность ее взгляда. Так будет и впредь. Пройдет немало лет, прежде чем Женя сама поймет, как неравнодушные к ней люди чувствуют ее взгляд. Это не обязательно будет любовь с их стороны, это может быть и неприязнь, и ненависть, и зависть. Сейчас ни она, ни он этого не знали. В этот момент Женя поняла, что молодой человек заметил ее, и резко развернувшись, побежала.

Для Петра ее легкомысленный поступок оказался до того неожиданным, что он не сразу осознал, что происходит. Странная девочка убегала от него, как будто он был чем-то опасен. Почему, почему она его боится? Страх. Он вдруг понял, что именно это чувство вызывал у нее. Никогда ранее никто его так не боялся и уж тем более не избегал так открыто. Бежать за девушкой по улице на виду у стольких людей, возможно даже знакомых, было бы смешно и глупо. И он остался стоять на месте. Взметнувшиеся чувства успокоила юношеская обида. Он все-таки был еще слишком молод, чтобы до конца понимать собственное сердце.

Испытания на заводе успешно заканчивались. Петр больше не кружил одинокими вечерами по чужим улицам. Он готовился к отъезду домой. Там его ждали, а здесь он оказался никому не нужен. Иногда он вспоминал ее, стоящую в кон-

це улицы, непонятную, испуганную девочку, но для него это грустное приключение уже было в прошлом.

В аэропорту его встретила машина отца. Сам Илья Григорьевич находился в очередной командировке. После серого Зауралья южный город с одурманивающим запахом спелых фруктов и благоухающими цветами показался Петру прекрасным как экзотический букет. Только теперь он почувствовал, как устал от своей длительной поездки, как соскучился по солнечному свету, яркой зелени и родному дому. Здесь все было свое, привычное. Здесь его любили.

Вечером придут гости. Мать предупредила сына заранее, чтобы он не зарулил куда-нибудь с друзьями. Родители пока не посвятили Петра в свои грандиозные планы относительно его будущего. Отец давно активно подготавливал сыну работу за границей, куда поставлялось их оборудование, и требовались свои консультанты. Такое место дорого стоило, но Илье Григорьевичу было чем платить. В то время работать за рубеж на долгий срок предпочитали отправлять людей семейных, и потому родители хотели на всякий случай подстраховаться в этом отношении.

Отец не знал, как скоро Петр захочет расстаться с холостяцкой свободой. Как мужчина, он хорошо понимал сына. Многие женщины вокруг готовы любить тебя, пока ты красив, молод и перспективен, но выбирать должно твое собственное сердце, а не только ее. Илья Григорьевич долгие

годы преданно любил свою жену, и был благодарен ей за сына, но никогда не испытывал он к ней острых ощущений любовной страсти, о которых писалось в романах. Возможно, это страшная война наложила свой жесткий отпечаток на его молодость. После всего ужаса и боли военных лет так хотелось покоя и тишины, чистоты и заботы. И она принесла все это в его жизнь – кареглазая чернобровая красавица Рита.

А страсть – она выпала ему однажды, давно и далеко. Та женщина была светловолосой и голубоглазой. Их встречу организовала война в госпитале за Волгой, куда он попал после контузии с плечевым ранением, а она с травмой ноги. Странно было видеть молодую женщину в военном госпитале. Он потом так и не успел узнать, как она сюда попала. Любовь их была страстной и короткой. Сейчас Илья даже фамилии ее не мог вспомнить, только имя Тая прочно запряталось в глубинах памяти. Его тогда срочно отозвали в штаб. Думал, что найдет ее потом, но разве мог он предположить, что после войны боевому генералу ясно дадут понять, что ради собственной безопасности он должен прекратить ее поиски. Тая оказалась из семьи раскулаченных казаков. Так и остались от той короткой встречи у него в душе глубоко запрятанная тоска и горечь потери, а у нее часики в серебряном браслете – его прощальный подарок. Девушка провожала его тогда ранним утром с такой печалью в глазах, будто чувствовала, что они никогда больше не встретятся.

– Где бы ты ни была, я найду тебя по этому браслету, он

единственный такой на всем белом свете, как и ты, – расставаясь, сказал Илья любимой на прощанье.

Необычный браслет, составленный из замысловатых звеньев, похожих на латинские буквы, он носил как напоминание о родном доме. Когда Илья уходил на фронт, браслет надела ему мать, произнеся почти те же слова, что только что сказал он голубоглазой женщине. У его матери старинные часы были единственным украшением, а он был ее единственным сыном.

Родителей давно не было в живых, а фамильное серебро их семьи сейчас находилось в его доме. И только того заветного браслета в ней не доставало. Чтобы лишний раз не вызывать болезненных воспоминаний Илья никогда сам не рассматривал драгоценную коллекцию. Украшения хранились в сейфе его кабинета и редко доставались для всеобщего обозрения.

Отпуск заканчивался. Вернулся из командировки отец, рассказал о новой работе, передал привет от Прикулей. Руководителем нового проекта назначили Ивана, дальнего родственника отца по материнской линии. Отец привез памятную фотографию, на которой Иван обнимал молодую красивую женщину. На руке у нее выделялся затейливый браслет, вид которого показался Петру удивительно знакомым. Он вспомнил, что похожее украшение видел на руке Жени, той далекой девочки из летнего парка. Петр снова ощутил,

что в груди у него есть сердце. Оно тяжело забилося и никак не успокаивалось.

– Папа, какой интересный браслет у этой женщины рядом с Иваном.

– Это Марта, его невестка, а браслет – его свадебный подарок. Помнишь, я рассказывал тебе о нашем фамильном серебре? Мой прадед был редким ювелирным мастером. Существовало поверье, что жена его была целительницей. Она якобы заговаривала серебро, а прадед изготавливал из него волшебные амулеты. Сказка, конечно, но дамам нравилось носить украшения, овеянные такой легендой.

– А сейчас кто-нибудь делает подобные вещи?

– Нет, не думаю, серебро нынче не в моде. И потом прадед слыл великим выдумщиком, каждая его поделка была неповторима.

– Я недавно видел такой же браслет или почти такой же.

– Это вряд ли, наши амулеты всегда оставались в семье. Они не были предназначены для чужих. Принадлежность семье как раз и отмечал особенный затейливый узор, похожий на сплетение латинских букв. По поверью такой браслет оберегал женщину от завистливых людей, но дарили амулет только замужней даме. Считалось, что девушке он мог помешать сделать правильный выбор спутника жизни, – Илья Григорьевич замолчал, прикрыв глаза, стараясь прогнать горькие воспоминания о давней встрече. – А когда ты представишь нам свою девушку? Разведка донесла, что ты

снова встречаешься с Миной, – продолжил он, справившись с неожиданным волнением.

– Ты преуменьшаешь, я встречаюсь не только с Миной. Ты же знаешь нашу компанию. К тому же отпуска заканчиваются, и скоро мы опять все разлетимся по своим местам.

– Но Мина то останется. Мать говорила, что девушка в мединституте на хорошем счету и по окончании согласилась работать здесь. Рита берет ее к себе. Вот и сейчас они вместе едут в Л-цк на какое-то мероприятие.

– Надолго?

– На неделю, кажется.

– Понятно.

– Что, именно?

– Ну, мы хотели отметить конец отпускного сезона, а Мина попросила все отложить на неделю. А я и не знал, что они так подружились с мамой.

Неделя пролетела быстро. Все это время Петр веселился в кругу многочисленных друзей, словно не хотел ни минуты оставаться наедине с самим собой. Из головы не выходили последние слова отца о браслете – что это амулет и дарят его только замужним дамам. Дама? Эта сероглазая девчонка с огромными зрачками? Не может быть. Правда, браслет смотрелся почти таким же, Петр был в этом уверен. Но, несмотря на поразительное сходство, он не хотел, чтобы сомнительная тайна вошла в его жизнь. Он уже стал забывать Женю, сердце только-только успокоилось, и вот опять напо-

минание о ней. Петр решительно засунул фотографию в старый семейный альбом, чтобы не попадалась больше на глаза. Скоро вернется мать, и снова будут гости, и будет в их доме тепло и спокойно.

Вот и началась долгожданная практика почти на Украине. В небольшом городке говорили на смешной смеси русского языка с украинским. Иногда и не сразу поймешь, на каком языке с тобой разговаривают. К ним, практиканткам, отнеслись очень приветливо. Поселили их в заводском общежитии в большой светлой комнате. Жене здесь все нравилось, но недавно произошел с ней неприятный случай.

Накануне вечером пришлось задержаться в лаборатории, попросили заменить заболевшую сотрудницу. Домой девушка возвращалась уже в сумерках. По дороге привязался незнакомый парень и никак не отставал. На автобусной остановке кроме них никого не оказалось. Наконец появился автобус и тут наглец внезапно схватил Женю за руку и потребовал отдать ему часы. Он начал их сдергивать, но, не зная тайной защелки браслета, ему не удавалось снять с нее часы. Стараясь изо всех сил оттолкнуть от себя бандита, девушка запрыгнула на ступеньку подошедшего автобуса и внезапно почувствовала резкую боль в руке. Двери закрылись, парень трусливо убежал прочь, а по запястью тонкой струйкой сочилась кровь, но браслет остался цел. Порез кровоточил не сильно, Женя зажала руку носовым платком. Все произо-

шло так быстро, что она даже не успела серьезно испугаться. Ранка затянулась быстро, но рука продолжала беспокоить. Девушка расширила браслет, чтобы носить часы выше пореза, и все закрыла бинтом. Так и ходила с перевязанной рукой. А тут еще решили провести учения по гражданской обороне и всех практикантов отправили к приехавшим врачам. Весело побегали, поиграли в войну, сфотографировались на память. Вот и ей подарили фото, на котором так и стоит она с забинтованной рукой рядом с главной дамой тетей Ритой. После пробежек на холодном ветру рука разболелась еще сильнее – стало трудно поднимать ее вверх, а к вечеру порой так начинало ныть плечо, что невозможно было заснуть. Женя пожалела, что не показала ее врачу во время учений. Все думали, что повязка у нее бутафорская – там всех бинтовали во время игры.

Вечер, гости, смех. Рита всегда занимательно рассказывала о своих поездках. Вот и сейчас, показывая привезенные из последней командировки фотографии, ярко описывала прошедшие учения. Лицо девушки, стоящей рядом с матерью на фото, показалось Петру удивительно знакомым. Этого не может быть, но так похожа!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.